Соблазненная подлецом

Автор:
Луиза Аллен

Соблазненная подлецом

Луиза Аллен

Исторический роман – Harlequin #22Опасность и страсть #2

«Королева Бенгалии», прекрасное парусное судно, на котором мисс Эйврил Хейдон следовала из Калькутты в Лондон, потерпело крушение. Эйврил волной вынесло на берег одного из островов Силли. Здесь, раздетую и замерзшую, ее и нашли люди капитана Люка д’Онэ – странного и опасного человека. Соблюдая свои интересы, капитан не позволил девушке покинуть остров, но и не дал ее в обиду. В рискованном предприятии д’Онэ проявил себя отважным и благородным человеком, мисс Хейдон – смелой и находчивой молодой леди. Не признаваясь в этом самим себе, они испытывали друг к другу симпатию и непреодолимое влечение. Но ее в Лондоне ждет жених, а у него свои предпочтения в выборе невесты…

Луиза Аллен

Соблазненная подлецом

Глава 1

16 марта 1809 года, острова Силли

Все это, конечно, сон, один из тех, что снятся перед самым пробуждением. Как холодно, сыро… Должно быть, окно каюты ночью распахнулось… До чего же неуютно…

– Гляди-ка, Джек, русалка!

– Да ну, с ногами? Хвоста-то нет. Никогда не мог взять в толк, как переспать с русалкой, когда у нее ног нету?

Если это и сон, то кошмарный… Так, проснуться, но глаз не открывать. Как же холодно и больно! И страшно, очень страшно.

– Думаешь, померла?

Кровь в ее жилах застыла от ужаса и непонимания. «Я умерла? И попала в ад? Что ж, говорят они точь-в-точь как черти. Главное – не шевелиться».

– На вид еще свеженькая. Сойдет, даже если не особо живая. У меня бабы не было пять недель!

– Как и у всех нас, дурак! – Грубый голос прозвучал ближе.

«Нет!» Неужели она закричала вслух? К Эйврил наконец вернулось сознание, а вместе с ним охватил леденящий ужас. Она вспомнила все: кораблекрушение, огромную волну, ледяную бурлящую воду и четкое понимание того, что смерть близка.

Но нет, она была жива и лежала на холодном мокром песке. Ветер обдувал ее кожу, а волны плескались у ног. Глаз Эйврил открыть не смогла бы, даже если бы захотела – они были плотно залеплены солью. Ну, по крайней мере, она не увидит весь этот кошмар и свое бедное тело, ноющее так, словно по нему проехали колесом. Ветер обдувает кожу… Она абсолютно голая, а голоса все приближались и явно принадлежали обычным мужчинам, которые хотели ее… Не двигаться.

Вдруг кто-то с силой ткнул ее под ребра, и она содрогнулась от страха, хотя разум отчаянно вопил: «Не двигайся!»

– Смотри, живая! Повезло! – восхищенно произнес один из мужчин.

Все еще дрожа, Эйврил свернулась клубочком.

– Как думаешь, сможем мы ее утащить за камни, пока другие не разглядели? Не хочу делиться, не получив свое!

– Нет! – Эйврил резким движением села на песке, обхватив себя руками, чтобы хоть как-то прикрыть наготу. Она жалела, что ничего не видит, и усилием содрала с глаз плотную соляную корку.

Негодяи стояли неподалеку и глазели на нее с похотливым вожделением. Теперь Эйврил могла их разглядеть, и ее замутило от ужаса. Первый мужчина был огромным, с пивным брюхом, мускулистыми руками и мощными, словно дубовые стволы, ногами. Второй – тот, что ударил ее, – оказался худым коротышкой. Он стоял ближе.

– Пойдешь с нами, милочка, – произнес коротышка таким сладким голосом, что Эйврил от омерзения передернуло. – Тебе будет тепло и уютно, а, Гарри?

– Я скорее умру, – выговорила она и, запустив руки в мокрый песок, набрала его полные пригоршни. Но он тут же проскользнул между пальцами. Защищаться было нечем – рядом даже камней не валялось, а ее руки заледенели.

– Да нам как-то плевать на твои желания, дорогуша. – Это, наверное, Джек.

А что, если попробовать позвать их по именам? Вдруг они поймут, что она живой человек, а не вещь для забавы? Эйврил лихорадочно пыталась собраться с мыслями. Может, все-таки убежать? Нет, ноги слишком онемели, она даже тронуться с места не сможет.

– Послушайте, меня зовут Эйврил. Джек, Гарри, неужели у вас нет сестер?

Толстяк грязно выругался, и в тот же миг Эйврил услышала чьи-то голоса.

– Ну вот, остальные приперлись, черт бы их побрал! Теперь придется делиться девкой.

Превозмогая острую боль, Эйврил напрягла взор и огляделась. Она сидела на кромке песка у самой воды. Чуть выше галечный берег переходил в низкий каменистый склон, а за ним вверх к холму поднимался небольшой участок дерна. Голоса принадлежали группке людей, судя по всему моряков, одетых в такие же темные робы, как и двое ее мучителей.

Завидев Эйврил, они пустились бежать, и уже через мгновение ее окружили полдюжины плотоядно ухмыляющихся мужчин. Эйврил слышала их голоса, грубые шутки, которых почти не понимала, какие-то вопросы, которые они задавали Джеку и Гарри… У нее зашумело в ушах, перед глазами все поплыло. Вот сейчас она потеряет сознание, а если это произойдет, то они…

– Что тут творится, черт возьми? – уверенно и властно пророкотал чей-то голос.

Эйврил буквально всем телом ощутила, как мужчины отвернулись от нее, словно стальные напильники, притянутые магнитом. Она с облегчением выдохнула.

– Да вот русалка, кэп, – хихикнул Гарри. – Только хвост потеряла.

– Но собой хороша, я погляжу, – произнес голос теперь уже очень близко. – Сдается, вы собирались притащить ее мне.

– С чего бы это, кэп?

– Капитанский приз. – В этом бесстрастном голосе не было жалости, как если бы речь шла о выброшенном на берег обломке. Затеплившаяся было надежда волной отхлынула прочь.

– Так не по чести!

– Закрыть пасть! Это тебе не демократия всякая, Таббс. Она моя – вот и весь закон. – К Эйврил, яростно вгрызаясь в гальку, приблизились тяжелые сапоги.

Нет, все происходящее – не сон. Эйврил снова открыла глаза и взглянула вверх. Затем еще выше. Он был огромен: крепко сбитый, черноволосый, с носом угрожающих размеров. Непреклонные серые глаза цвета зимнего моря смотрели на нее взглядом мужчины на женщину, а вовсе не спасителя на жертву. В нем

читалось откровенное мужское вожделение и – странным образом – гнев.

– Нет, – прошептала она.

– «Нет» – оставить вас замерзнуть насмерть или «нет» – не вытаскивать вас из объятий новых друзей? – спросил капитан.

Он походил на мрачное искаженное подобие тех мужчин, с которыми она познакомилась на корабле за три месяца плавания. Достойных, образованных, без тени бахвальства, поскольку буквально излучали уверенность и правоту. Элис Линдон, близнецы Коль и Дэниел Чаттертоны. Где они упокоились?

Грубый голос капитана и его лицо ничуть не внушали симпатии, но все же это лучше толкущегося вокруг сброда. Стоящий рядом здоровяк схватился за рукоять ножа, но избавитель Эйврил повернулся к нему спиной.

– У вас за спиной… – произнесла она, не обращая внимания на ухмылки.

– Докинс, оставь-ка нож в покое, если не хочешь закончить как Най. – Мрачный человек говорил не оборачиваясь, и она видела, что его рука лежит на рукоятке пистолета, торчащего за поясом. – Какая тебе выгода с того, что ты сдохнешь с пулей в жирном брюхе? Хотя всем остальным тогда выгоды прибавится.

Он приподнял бровь, глядя на Эйврил, и та кивнула ему, будто соучастница. Никто из стоящих вокруг не прикоснулся к оружию. Капитан снял куртку и набросил ее на плечи Эйврил:

– Встать сможете?

– Нет. С-с-слишком холодно. – Ее зубы стучали, и, несмотря на слабость, она стиснула их.

Он наклонился, схватил ее за руки и поднял с такой силой, что ей пришлось схватиться негнущимися пальцами за края куртки – она была такая большая, что даже прикрыла ей ягодицы.

– Я вас понесу, – сказал он, обведя присутствующих долгим взглядом.

– Нет! – выкрикнула она и запнулась, ухватившись за его руку. Если он ее поднимет на руки, куртка не сможет прикрыть тело.

– Эти ребята уже видели все, что только можно увидеть, – произнес капитан. – Таббс, дай-ка мне свою куртку.

– Куртка же промокнет… – Ворча, мужчина стянул с себя куртку и швырнул ее на песок. Глаза его пожирали обнаженные ноги Эйврил.

– Получишь ее назад с запахом мокрой женщины – ну разве не здорово?

Избавитель поднял куртку, обернул вокруг ее талии, после чего одним движением вскинул женщину на плечо. Эйврил задохнулась от возмущения, но затем догадалась – так он сможет выхватить пистолет свободной рукой.

Свисая головой вниз, она смотрела на землю. Куртки ничуть не спасали от холода и только усугубляли наготу и стыд. Борясь с одолевающей слабостью, Эйврил думала, что не должна терять сознание. Человек, которого она хотела видеть своим спасителем, явно сделан из другого теста. В лучшем случае он изнасилует ее сам, в худшем – банда головорезов нападет на него, и тогда ее изнасилуют все.

Прошлой ночью, последней перед тем, как она умерла бы от холода, она знала, что смерть рядом. Сейчас же сожалела, что осталась жить.

Звук шуршащей под сапогами гальки прекратился, угол, под которым она свисала с плеча, изменился, и перед глазами показалась трава. Затем ее похититель остановился, пригнулся, и они оказались внутри некоего подобия жилья.

– Здесь. – Он бросил ее на бугристый пол, как мешок с картошкой. – Не вздумайте спать, вы слишком промерзли.

За ним с грохотом захлопнулась дверь, и Эйврил приподнялась, чтобы оглядеться. Она лежала на кровати в большой лачуге, вдоль ее каменных стен стояли еще пять пустующих коек. Жесткая солома в матрасе хрустела под пленницей при каждом ее движении. В другом конце помещения помещался

очаг с золой на потухших углях, там же стоял стол с кое-какой посудой, сундучок моряка, висело несколько полок. В одной из стен – окно с затрепанной донельзя занавеской. Дощатая дверь. Пол из грубо отесанных каменных плит без единого намека даже на самый неприглядный ковер.

Если бы умереть сей же час… От приступа жалости к себе слезы выступили на ее глазах. В этот миг комната перестала раскачиваться из стороны в сторону. «Нет, я не стану умирать…» Эйврил резким движением вытерла показавшуюся на глазах влагу и вздрогнула от резкого привкуса соли на языке. Боль придала сил. Ей неведома трусость, ее жизнь еще несколько часов назад стоила того, чтобы за нее бороться.

Избалованная дочь в богатой семье, она не была готова к таким испытаниям, однако превозмогла все болезни, прожив в Индии двадцать лет из своих двадцати двух, провела три месяца в море на корабле Ост-Индской компании, выжила в кораблекрушении.

«Я не намерена умирать вот так, без борьбы».

Теперь ей надо встать и искать выход, а еще оружие, и все это до возвращения капитана. Эйврил встала с кровати, в ушах звучал странный глухой рокот, комната, казалось, перемещалась сама собой.

Ведь это движется пол, верно? Или все же это она идет? Глаза скрывала густая темная пелена…

– Ад и проклятие! – Войдя, капитан Люк с грохотом захлопнул за собой дверь. На полу перед ним лежало обнаженное тело, охваченное судорогами. Схватив со стола кувшин, он обильно плеснул водой в лицо пленнице. Эйврил вздрогнула и облизала губы.

– Мигом в кровать. – Он сгреб ее в охапку и опустил на тот же бугристый матрас, укрыв одеялом.

Ощущать ее в своих руках – слишком приятное чувство, чтобы лишаться его. Воспоминание о русалке, бледные длинные ноги которой ласкал пенный прибой, в состоянии лишить ночного сна сладкой болью желания любого мужчину.

Наполнив водой кубок, он вернулся к кровати:

– Давайте-ка просыпайтесь, вам надо попить.

Встав на колени, Люк охватил рукой ее плечи, затем приподнял их и поднес кубок к ее губам. К его радости, она пила жадно, почти захлебываясь. Спутанные пепельные волосы цеплялись за его куртку, на слегка загорелой коже проступили синяки. Длинные ресницы задрожали, открывая зеленые глаза, и сомкнулись, словно от чувства одержанной победы. Затем ее голова склонилась на подушку, она вздохнула, и силы оставили ее.

– Ах, чтоб тебя… – произнес он с неожиданным французским акцентом. Женщина без сознания, о которой нужно заботиться, в его планы не входила. Если перенести ее в ялик, под парусом дойти до острова Святой Марии и сказать там, что он нашел на берегу одну из выживших во вчерашнем кораблекрушении пассажиров, она будет в безопасности. А вдруг она вспомнит все произошедшее с ней здесь? То, что она видела его самого, не имеет значения, за него заступится губернатор. Однако кроме него здесь целая шайка головорезов, а он ее предводитель.

Люк смотрел на спутанные влажные пряди ее волос, то единственное, что открывалось взору. Укрытая одеялом, она вздохнула и прижалась к нему. Слегка изменив ее положение, чтобы ей было удобнее лежать рядом с ним, он вновь погрузился в размышления. Она еще очень молода, хотя и не юная девочка, возможно, ей лет двадцать с небольшим. Происшествие не озлобило ее, то, что она предупредила его о возможном нападении Докинса, свидетельствовало о твердости ее характера. Она показалась ему и смелой, и умной. Но какова вероятность того, что она забудет о том, что здесь случилось, или сочтет дурным сном?

«Шансы невелики», – решил он после недолгого раздумья. Она с легкостью может рассказать обо всем увиденном, стоит ей прийти в сознание. И тогда невозможно угадать, кто станет ему врагом, даже в подвластных губернатору землях. Возможно, и сам губернатор.

Ему предстояло сделать взвешенный выбор: оставить ее в этой лачуге с небольшим количеством еды, запереть дверь и уйти, что немногим лучше, чем отвезти ее на лодке в море и бросить за борт, или нянчиться с ней до тех пор,

пока она не сможет самостоятельно заботиться о себе.

Знал ли он о том, как надо заботиться о едва не утонувших, обессиленных женщинах? Нет. Хотя едва ли это отличалось от заботы о любом другом человеке. Люк взглянул на стройное тело, укрытое грубым одеялом, и признался самому себе в том, что его буйный нрав укрощен. И если бы она в это мгновение очнулась, вряд ли пожелала, чтобы о ней заботился кто-либо другой. Кроме того, он всегда мог указать на других желающих проявить заботу.

Итак, она, по крайней мере, в состоянии что-то пить. Можно сказать Поттсу, чтобы сварил бульон, готовя общий обед, и принести бульон сюда. Затем он подумал, что неплохо бы отмыть ее от соли и осмотреть на предмет всевозможных ран. У нее, более чем вероятно, есть переломы.

Сделав все это сейчас, он мог бы одеть ее в одну из своих рубашек, перестелить постель помягче и оставить на какое-то время. Отличное решение. Внезапно он обнаружил, что при мысли о прикосновениях к ней на его теле выступает пот. Черт бы все это побрал! Надо скорее уходить прочь из дома.

Некоторое время Люк постоял на пороге, успокаивая дыхание. Он на дурном пути, если эта женщина – наполовину утопленница – способна пробудить в нем столь сильное вожделение. В оскорбленном взгляде ее зеленых глаз он по-прежнему видел и вызов, и блеск острого ума. Это впечатляло даже больше, чем внезапная волна мужского желания. Ему бы подумать о том, что она, придя в сознание, расскажет о своем пребывании здесь.

Чтобы отвлечься, он стал следить за судами в заливе Святой Елены, в восточной части которого располагался остров Святого Мартина, а в южной – необитаемые Теэн и Треско.

Это проклятое кораблекрушение на рифах, лежащих к западу, разворошило военный флот, как палка, вставленная в муравейник. Сегодня даже дым от бесконечной цепи ям для сжигания водорослей, тянущейся по берегам обитаемых островов, казался менее густым. Очевидно, повсюду работают поисковые команды. Вот и сюда плывет шлюпка. Будь женщина мертва или без сознания с момента крушения, он, возможно, попросту отдал бы ее этим людям. Но с другой стороны, сопутствуй ему удача, он и вовсе не оказался бы здесь.

Люк огляделся и, удостоверившись, что все его матросы находятся вне поля зрения, беззаботной походкой спустился вниз к пляжу, переместив пистолет за спину, подумав, что эксцентричные поэты, ищущие одиночества, чтобы создать великие произведения, не разгуливают вооруженными.

В приблизившейся лодке поднялся гардемарин и отвесил поклон, веснушчатое лицо его при этом было крайне серьезным. Сколько лет этому оболтусу? Семнадцать?

– Господин Дорней, сэр? – крикнул он из шлюпки.

– Да. Полагаю, вы ищете оставшихся в живых после крушения? Я слышал крики, видел огни вчера вечером и догадался, что произошло. До самого рассвета я ходил по берегу вокруг острова, но не нашел никого – мертвого или живого. – В этих словах не было даже намека на ложь, ведь не он нашел ее.

– Спасибо, сэр! Это затонул корабль Ост-Индской компании – большое судно, сэр, много людей на борту. Ваши сведения сберегут время, если на этом острове искать не придется. – Гардемарин, хмуря брови, старался удержать равновесие в неспокойной шлюпке. – Поговаривают, здесь видели вчера с десяток каких-то молодцев, а губернатор сказал нам, что здесь живете только вы, сэр, вот нам и стало любопытно. «Стихи пишет» – так о вас отозвался губернатор.

Юнец, очевидно, думал, что это занятие для сумасшедших.

– Да. – Люк подтвердил его слова, внутренне проклиная весь свет. Ведь был же с этими остолопами уговор: никто не должен их заметить с других островов. – Вчера здесь приставала лодка с крепкими ребятами. Говорили, будто бы ищут места для новых водорослевых ям. Я подумал, это контрабандисты, не стал с ними связываться. Теперь их и след простыл.

– Очень мудрый поступок, сэр! Думаю, вы более чем правы на их счет. Спасибо, сэр, мы вернемся сюда завтра.

– Не беспокойтесь, у вас и без меня хватает хлопот. У меня есть ялик, я дам вам знать, если что-нибудь найду.

Гардемарин отсалютовал, и гребцы в его шлюпке налегли на весла, устремив ее к южной части Теэна, чтобы найти там место для высадки. Люк якобы бесцельно бродил по пляжу, пока лодка не скрылась из вида, после чего повернул налево и поднялся по низкому склону к старой инфекционной лечебнице, которую использовал в качестве своего убежища и где теперь лежала спасенная им женщина. Здесь его уже поджидали.

Он быстро сосчитал их – двенадцать разозленных участников его небольшой команды, которая теперь стала его обузой. Поначалу их было тринадцать, пока Най не решил, что воткнуть нож в ребра капитана легче, чем выполнить ту миссию, с которой они здесь пребывают, и пуля из капитанского пистолета не успокоила бунтовщика. Очевидно, оставшихся обозлило жесткое обращение Люка.

– Это были люди с военного корабля, – сказал он, когда те разомкнули тесное кольцо вокруг небольшого, почти бездымного костра и повернулись к нему. – Вчера кто-то на Святом Мартине видел вас. Оставайтесь на этой стороне острова и не уходите на восток дальше Дидли-Пойнт.

– Или эта неласковая солдатня схватит нас за жабры? – с издевкой произнес Таббс. – А кому тогда не подфартит, а, кэп?

– Да, по уши в навозной куче буду я, – согласился Люк, – зато увижу, как вас всех вздернут. Шевельните мозгами по этому поводу.

– Ага. Мы будем шевелить мозгами, а вы – утюжить русалочку, что мы нашли? Или вы пришли спросить, как это делается, сэр? – С этими словами долговязый рыжеголовый детина перекинул комок жевательного табака во рту от одной щеки к другой.

– Щедрое предложение помощи, Харрис. Но я уложил ее спать. Предпочитаю, чтобы мои женщины были в сознании. – Он прислонился к валуну. Инстинкт подсказывал ему не сообщать им, насколько она плоха. – Может пройти еще четыре или пять дней, пока мы получим сигнал. Я не хочу, чтобы вы заржавели. Проверьте-ка нашу гичку сегодня после полудня, чтобы завтра поупражняться на ней.

– Она в порядке, – проворчал рыжий и пустил длинную струю коричневой слюны в огонь. – Смотрел я ее вчера. Обычная гичка, лодка как лодка, и все тут.

– Твое мнение знатока нас очень утешит, когда мы будем тонуть в красном от крови океане. – Люк растягивал слова. – Обед, кстати, сам собой приготовится, да, Таббс? Моя гостья ждет бульона, ты справишься, верно? А ты, Пэтч, принеси мне ведро холодной воды и ведро горячей, как только ее нагреешь. А то дамочка солоновата на вкус.

Он не стал дожидаться ответа и, не оглядываясь, спустился к зданию лечебницы, хотя спиной чувствовал угрозу. Сейчас они думали, что их выгода обеспечена, пока они служат ему, и были достаточно напуганы случаем с Наем, чтобы роптать всерьез. Однако непрочное равновесие может быть нарушено, окажись эта женщина яблоком раздора.

Он должен был заставить их поверить, что она – его собственность и вместе с тем ничто для него. Он не хотел убивать никого из них, хотя это не составляло никакого труда. Ему нужны были они все, все двенадцать, чтобы выполнить миссию. Кроме того, оставаясь отребьем, они были превосходными моряками.

Глава 2

Свет падал на нее под странным углом. Эйврил протерла глаза и тотчас проснулась окончательно, словно от толчка, и не в своей каюте на «Королеве Бенгалии», а в какой-то лачуге. Она видела ее прежде или же это часть того кошмара, который, казалось, никогда не закончится? Иногда кошмар сменяла приятная греза, где она чувствовала себя защищенной, ее держали руки сильные и надежные, а нечто мягкое и влажное касалось ее ноющих от боли ног и рук. Еще она ощущала вкус крепкого горячего бульона или прохладной воды.

Затем дурной сон возвращался снова, и вот уже гигантская волна превращается в громадную человеческую фигуру, искоса смотрящую на нее, и через мгновение она чувствует на себе голодные взгляды дюжины пар глаз. Иногда грезился сон, полный смущения. А потом возникала необходимость освободить себя и того, кто пришел ей на помощь. Это чувство сменялось ощущением, будто бы ее подняли с земли и положили в жесткую рыбачью корзинку, хотелось рыдать, но

невозможно было проснуться.

Она лежала тихо, подобно лани среди папоротниковых зарослей, и только осмеливалась переводить взгляд с одного предмета на другой, изучая это странное место. Руками же ощущала грубое одеяло и матрас, набитый колючей соломой, зато одета она была в куда более нежную на ощупь льняную одежду.

В комнате, сколько бы ни прислушивалась Эйврил, не было ни души, только море шумело за ее стенами. С жалобным криком боли, вырвавшимся невольно, она наконец смогла сесть на постели. Каждое движение причиняло боль, мышцы ныли, жгло кожу на ногах и спине. Когда она высвободила руки из покрывала и закатала рукава рубашки, ее взору предстало множество синяков, царапин и ссадин.

Рукава мужской рубашки… Память восстанавливала события, будто складывая наугад вырванные страницы или части подслушанного через полуоткрытую дверь рассказа. Мужской голос велел ей пить и есть, крепкие мужские руки касались ее тела, удерживали ее на весу и переносили, затем, вымыв, уложили на эту постель.

Сколько времени она была беззащитна, без сознания? Могла ли понять сейчас, что он сделал с ее телом, пока она лежала здесь? Ощущая боль во всем теле, почувствует ли она еще одну?

Эйврил осмотрела комнату и повсюду увидела мужскую одежду: под окном пара сапог, в углу смятые полотняные вещи, на гвозде тяжелый плащ. Это было жилище, которое он наполнял собой даже в свое отсутствие. Она обернулась и посмотрела на подушку – это его кровать. Дрожа, Эйврил сделала глубокий вдох. Как долго он удерживал ее здесь?

Вода. Глоток воды облегчил бы труд мысли. Затем – найти оружие. В голове выстраивался некий план, отчего она почувствовала себя увереннее. Негнущимися, неуклюжими пальцами она сумела освободиться от одеял. Рубашка на ней едва прикрывала бедра, и Эйврил сняла с кровати скомканную простыню, обмотав ее вокруг талии. Встав на ноги, направилась к столу, успела сделать несколько шагов, прежде чем в изнеможении опустилась на ближайший стул.

На столе возле тарелки стояли кувшин и кубок, и она притянула их к себе обеими руками. Пусть большая часть воды была пролита мимо кубка, но та, что оказалась в нем, – чистая, свежая, – слегка прояснила ум. Эйврил выпила два кубка, после чего оперлась локтями на стол и уронила голову на руки.

«Думай».

Он не один, есть и другие мужчины. Отнюдь не призраки из дурного сна. Он позволил им быть здесь? И позволил им… Но нет, память хранила воспоминание только о темноволосом мужчине, которого прочие называли «кэп». «Думай». На нужные размышления навел лежащий рядом с тарелкой нож. Она подняла его и взвесила в руке. Единственный шанс убить его, когда он вернется сюда и останется без охраны. Или в постели. Убить? Способна ли она на это? Да, если потребуется. Или… Глаза ее обратились к кровати – спрятать нож под подушкой. Надо вернуться в кровать. Любым способом.

Ноги вновь отказывались слушаться, когда она, пошатываясь, шла к кровати. Однако она успела дойти за мгновение до того, как открылась дверь.

Он обвел жилище взглядом, от которого, казалось, ничто не могло укрыться. Эйврил сжала в руке нож, скрытый простыней, увидеть его от двери было невозможно. Впрочем, вошедший ничего и не заметил.

– Вы очнулись. – Войдя внутрь, он посмотрел на нее, сидящую на краю кровати, нахмурив брови. – Нашли воду?

– Да. – «Еще ближе, повернись ко мне спиной, я сделаю это тотчас, достаточно одной-единственной секунды». Куда наносят удар, если противник выше и сильнее? Как предотвратить его крик и саму возможность ответного удара? Ударом в левую часть спины, чуть выше сердца. Ударом сверху вниз, сжав оружие обеими руками.

– Где нож? – Он обернулся, посмотрев на нее холодным взглядом целящегося стрелка.

– Нож?

– Тот самый, которым вы намерены перерезать мне горло. Тот, что лежал на столе.

– Я не собиралась перерезать вам горло. – Она бросила нож на пол. Лучше поступить так, чтобы избежать обыска. – Я хотела всадить его вам в спину.

Он поднял нож и направился к столу, чтобы положить его на место.

– Эта угроза исходит от наполовину утопленного котенка. – Он растягивал слова. – Я уж стал думать, что вы никогда не проснетесь.

Эйврил впилась в него взглядом, втайне надеясь, что ее лицо лишено всякого выражения. Перед ней был мужчина, который спал с ней, омывал ее тело, кормил и, вероятно, насиловал. Не случись кораблекрушения, она наблюдала бы за ним из-под ресниц, будучи привлеченной волевыми чертами его лица, походкой и неоспоримой мужской элегантностью. Теперь же эта откровенная мужественность заставила ее сердце биться сильнее по иным причинам: от страха, тревоги и смущения.

– Как долго я здесь? – требовательно спросила она. – День, ночь?

– Сегодня четвертый день с тех пор, как мы нашли вас.

Четыре дня и три ночи. От этой мысли все сжалось у нее внутри.

– Кто ухаживал за мной? Я помню, что меня вымыли… – ее лицо вспыхнуло, – в какой-то лохани. И еще помню, что кто-то кормил меня супом.

– За вами ухаживал я.

– И вы спали в этой кровати? Не вздумайте отрицать!

– В мыслях не имел отрицать, что сплю в своей собственной кровати. Ах, я начинаю понимать. По-вашему, я способен изнасиловать женщину, воспользовавшись тем, что она без сознания. – Выражение его лица было лишено мягкости даже в те моменты, когда он переставал хмуриться. Сейчас оно казалось высеченным из гранита. – Или вы монахиня и потому предпочли бы,

чтобы я оставил вас беспомощную, без сознания, на грани жизни и смерти, лишь бы только к вам не прикоснулись мужские руки?

– Нет.

– Так, может быть, я выгляжу как человек, которому нужно сначала лишить женщину сознания и лишь затем овладеть ею?

Только сейчас она поняла, что высказанный ею намек оскорбил его. Большинство мужчин крайне гордятся своими сексуальными способностями, и она только что задела его гордость. Поскольку она полностью зависела от его расположения, следовало быть немного сдержаннее.

– Нет, я просто испугалась, смутилась и… Я благодарна вам за то, что вы ухаживали за мной. – Краска прилила к ее щекам. Играя с прядями волос, она вдруг обнаружила, что они спутались. – Ох!

– Я вымыл вам голову, но извлечь щепки из волос мне так и не удалось. – Он пошарил рукой на полке, и на кровать упала расческа. – Можете попробовать, но только не разрыдайтесь, если не получится.

– Не имею привычки рыдать. – Она будто утратила память о том, что прежде могло вызывать у нее слезы. И, разумеется, не собиралась расплакаться перед этим человеком.

– Вы никогда не рыдаете? Неужели? – Ей показалось или в его голосе прозвучало одобрение? Он положил ладонь на дверной засов. – Я запру его, и не тратьте попусту силы в надежде выбраться наружу.

– Как вас зовут? – Безымянность была его оружием, еще одним кирпичом в стене безвестности и бессилия, которой она окружена здесь, находясь в его власти.

Эйврил впервые увидела его замешательство.

– Люк.

– Те мужчины называли вас «кэп».

– Я был им. – Он улыбнулся.

Будто каменная глыба опустилась на плечи Эйврил, и она отвела глаза. «Ни слова ему больше не говори!» – кричали в ней все инстинкты.

– Как же зовут вас?

– Эйврил Хейдон. – Стоило ей произнести свою фамилию, она тотчас пожалела об этом. Ее отец достаточно богат и заплатил бы за ее жизнь сколь угодно большой выкуп. Теперь эти разбойники могли узнать, к какой семье она принадлежит. – Ответьте мне, почему вы держите меня здесь, словно узницу?

Но Люк не ответил, вместо этого скрежетнул ключом в замке, наглухо запирая дверь.

Около двух часов пополудни он с некоторой осторожностью приоткрыл дверь. Его полуживая русалка обладала большим, нежели можно ожидать от женщины, мужеством, пройдя через тяжелые испытания, тем более что она, несомненно, благородная леди. Пусть даже сейчас, очевидно, пребывает в отчаянии. И пусть столовый нож находился у него в кармане, однако на высокой полке в комнате осталась неосторожно забытая им бритва.

Его пленница сейчас в равной мере и смущена, и испугана, однако после еды вполне может взять себя в руки. Ему необходимо ее благоразумие, кроме того, она обязательно разделит с ним постель этой ночью.

– Время обедать, – объявил он, появившись в дверях с тарелками и горшочком тушеного мяса.

Эйврил встала со стула возле окна, на котором он оставил ее несколько часов назад. Все это время она думала о Люке. Он единственный изъяснялся как джентльмен, но при этом был так же омерзителен, как и прочие мужчины на том берегу. Кто он? Пират, контрабандист, флибустьер? Во всяком случае, его спутники – настоящее отребье. Видимо, их предводитель ничем не лучше, разве только сильнее. Во снах она грезила им, видела, как он берет ее на руки, чувствовала его защиту. Грезы поистине жестоко обманули ее.

– Итак, – Люк шумно поставил на стол еду, – обед. Поттс, к моему удивлению, оказался превосходным поваром.

Запах еды достиг ее обоняния, и желудок отозвался, сжавшись от нетерпения. Тушеное мясо источало восхитительный аромат. Но ей придется дойти до стола, будучи одетой только в рубашку и волоча за собой простыню. Он мучил ее или приручал, как приручают животное? Возможно, и то и другое.

– Я хотела бы съесть все это в одиночестве.

– А я хотел бы, чтобы вы прошлись немного и избежали участи одеревенеть. – Он прислонился плечом к стене возле очага. – Вам тепло? Я могу развести огонь.

– Вы очень предупредительны, однако я не доставлю вам лишних хлопот. – Полуистлевшая занавеска на окне пропускала достаточно света, чтобы стоящего можно было рассмотреть, что Эйврил и сделала, не пытаясь скрыть своего занятия. Имей он хоть каплю совести, счел бы это неуместным, а он лишь приподнял бровь в знак того, что знает о происходящем, и принялся изучать свою пленницу.

Он был высокого роста, с темно-серыми глазами и волосами темно-бронзового оттенка, которые казались почти черными. Его загар наводил на мысль о том, что загорал он под солнцем Индии. Нос с горбинкой, высокомерно вздернутый, был бы чрезмерно велик, не уравновешивай его столь же массивная челюсть. Правда, даже это обстоятельство не умаляло его размеров.

«Словом, отнюдь не красавец», – сделала вывод Эйврил. Если бы он ей понравился, она сочла бы его лицо мужественным и даже интересным. Более того – умным. Но, как бы там ни было, он мрачен, погружен в свои мысли, и это бросалось в глаза. Ее взгляд скользнул ниже – стройный, с узкими бедрами.

– Неужели, – спросил он, – я привлекаю вас более, чем остывающий обед?

– Ничуть, – последовал ее ответ. – Вы просто стоите на моем пути к нему.

Она не привыкла принуждать людей к чему-либо. «Открытая, добросердечная, очаровательная мисс Хейдон» – так говорили о ней. Милая. Теперь же она не

ощущала себя милой, и едва ли это случится снова. Эйврил вздернула подбородок и посмотрела на собеседника свысока.

– Моя дорогая девочка, если вы стесняетесь показать мне свои ножки, позволю себе напомнить, я видел все ваше восхитительное тело. – Это прозвучало так, будто он вспоминал каждую увиденную подробность, но ни одна не впечатлила его в полной мере.

– В таком случае вам не придется более видеть ничего подобного! – воскликнула Эйврил.

Она понятия не имела, откуда только взялось мужество противостоять ему. Зато хорошо знала, что на нее обычно смотрят как на скромную молодую леди, которая и мухи не обидит, не то чтобы бесстрашно дерзить пирату – или кем бы ни был этот Люк. В данный момент она загнана в угол, спасать ее некому, но, как ни странно, именно это обстоятельство придавало сил для преодоления страха.

Пожав плечами, он поставил стул возле стола:

– Я хочу, чтобы вы поели. Идите сюда. Или предпочитаете, чтобы я сопроводил вас?

Эйврил подозревала, что он вполне способен просто схватить ее и силой усадить за стол, если она откажется. Нащупав простыню, она встала, не выпуская ее из рук, отчего та сложилась в подобие юбки. Туго стянув ее на себе инстинктивным движением, Эйврил с удивлением обнаружила, что, несмотря на боль, смеется над тем положением, в каком оказалась.

– Что вы нашли забавным? – спросил Люк, когда она села напротив него. – Надеюсь, вы не намерены закатить истерику?

Возможно, стоило, чтобы проверить его реакцию. Только не исключено, что он просто залепит ей пощечину или бросит в ледяную воду. Ему вряд ли присуще милосердие.

– Некоторое время назад я обучалась носить платье придворной дамы, – объяснила Эйврил, беря вилку и представляя, как погружает ее зубья в сердце Люка. – Думаю, здесь подобные навыки неуместны.

Обед состоял из больших кусков мяса, крупно нарезанных овощей и соуса, почти полностью состоящего из алкоголя. Она разрушила мясную твердыню и обмакнула в соус хлеб, отбросив хорошие манеры. Люк пододвинул к ней высокий стакан:

– Вода. Здесь она чиста и прозрачна.

– Когда же вы успели запастись провизией? – спросила Эйврил и с силой отрезала еще мяса от своего куска. – И много ли вас здесь? Десятеро? И все вне закона, не так ли?

– Вне закона только я, – промолвил Люк, возвращаясь на свое место у очага. – Некий господин Дорней, как полагает здешний губернатор, поэт, ищущий одиночества и вдохновения, чтобы создать эпическое произведение. Я сказал ему, что боюсь быть полностью отрезанным от мира туманом или бурей, поэтому и держу значительный запас продовольствия, даже если он больше необходимого для одного человека. Нас здесь тринадцать, и мы, безусловно, сохраняем наше присутствие в тайне.

Она постаралась запомнить фамилию. Когда эти люди предстанут перед судом, она будет свидетельствовать против них, напавших на нее и удерживавших взаперти. Она никого не забудет! Конечно, в том случае, если он оставит ее в живых. Эйврил боролась со страхом, пока тот ледяным камнем не лег в ее животе.

– Поэт? Вы?

Он улыбнулся прежней холодной безрадостной улыбкой, но ничего не ответил.

– Когда вы намерены отпустить меня?

– Когда мы закончим здесь свои дела. – Он поднялся и пошел к двери. – Я оставлю вас, а то как бы команда не съела мой обед подчистую. Увидимся за

ужином.

Его рука легла на засов. Эйврил поняла, что более не в силах справляться с неизвестностью.

– Вы намерены убить меня?

Люк обернулся к ней:

– Имей я такое намерение, было бы достаточно бросить вас обратно в море или оставить здесь. Я не убиваю женщин.

– Ну да, вы их насилуете. Сегодня вы заставите меня разделить с вами постель, не так ли? – Она вновь ринулась в атаку, но осеклась, увидев, как его одолевает приступ гнева. Он сжал кулак и оперся им о дверной косяк.

«Сейчас он ударит меня».

– Три ночи вы делили со мной постель. Отдохните, – сказал он тоном, противоречащим выражению лица. – И прекратите паниковать.

Дверь за ним с грохотом захлопнулась.

Люк направился обратно к разожженному костру. Он не собирается торчать на этом проклятом острове с кучкой уголовного сброда и, прежде всего, не допустит изнасилования. Эйврил Хейдон испугалась не без основания, ведь он вырвал ее у своей команды. Ему импонировали ее жесткий тон и резкие жесты, но это только усугубляло ситуацию и возлагало на него опасную ответственность. Слава богу, ее уже не нужно кормить. Близость ее тела тревожила его, он чувствовал, что начинает испытывать к ней нечто лишавшее покоя. Она выздоравливает, нуждается в нем все меньше и скоро совсем окрепнет. Впервые в жизни ему было приятно о ком-либо заботиться.

Команда с любопытством подняла на него глаза, оторвавшись от обеда. Люк опустился на плоский камень, который считался капитанским креслом, и принял из рук повара тарелку:

– Отличное мясо, Поттс. Что, парни, заскучали?

Именно так они и выглядели – скучающими от безделья и опасными. На корабле он заставит их работать так, что они позабудут саму мысль о бунте. Орудийные учения, тренировки с оружием, ремонт, работа с парусами поглотят все время. Люк подставил лицо ветру:

– Так и тянет норд-вест. Это было богатое ост-индское судно, по всему ясно. Вам, парни, стоит побродить по бережку. – Услышав его спокойный голос, они смотрели на него искоса, всем своим видом напоминая собак, прижавших уши в ожидании удара. – Оставите себе все, что найдете, если только не передеретесь, и принесете мне всех русалок, которые вам попадутся.

Жадность и незамысловатые шутки – простой, но эффективный прием, и он сработал. Все вокруг повеселели, похваляясь тем, что нашли прежде, и будущими находками.

– Хорек, у тебя есть запасные штаны?

Тощий Феррис, прозванный Хорьком и лицом схожий с этим зверьком, поднялся с земли:

– Так точно, кэп. Лучшие воскресные штанцы. Держу их на случай к мессе пойти.

– Где ты, я думаю, стащишь кружку для подаяний. Они чистые?

– Еще бы, кэп, – оскорбленным тоном ответил Феррис, шмыгнув носом. Это вполне могло оказаться правдой, ходили слухи, что Хорек даже ванну принимает.

– Одолжи их мисс Хейдон.

Эти слова вызвали шквал свиста и хохота: «Мисс Хейдон, а?! Кор, слыхал, русалка с именем!»

– На кой черт ей штаны, капитан? – упорствовал Феррис. – В кровати штаны ни к чему.

– Она достаточно понежилась, когда плескалась в море, а теперь пусть встает с кровати и займется чем-нибудь.

После этих слов окружающие даже заподозрили, что Эйврил была без сознания и не в состоянии сопротивляться, наивно полагая, что он проводил с ней время в постели. Никто даже не догадывался, что он ухаживал за ней, как за ребенком. Его частые отлучки заставили команду восхищаться им и его мужской силой.

– И я возьму твой кожаный жилет, пока ты таскаешь этот.

Услышав такие слова, Хорек поспешил к пестрой куче тряпья, хранившейся под одним из холмов, покрывавших середину острова. Остров Святой Елены был размером менее чем три четверти мили в самом широком месте, в северо-западной его части виднелись грубые каменные сооружения. Люк предполагал, что это жилища каких-то древних племен, но уверен не был, поскольку не считал себя знатоком старины. Однако он радовался, что эти жилища приютили его команду. Более того, их нельзя было обнаружить ни с Треско, ни со Святого Мартина.

Мясо прикончили. Люк поднялся, вынул из кармана плаща небольшую подзорную трубу и стал подниматься на холм, откуда смог охватить взглядом море, окружающее острова Силли, и, кроме того, следить за своей командой, о чем та даже не подозревала. Охота на берегу за ценностями, выброшенными морем, займет их надолго, хотя он и опасался поножовщины из-за спорной добычи.

Положив блокнот на плоский камень, он погрузился в расчеты движения судов между островами, в частности записями местоположений бригов и гичек – тридцатидвухфутовых гребных лодок, которые несутся над водой на такой скорости, что команды военных шлюпок, не поспевая за ними, задыхаются от напряжения. Расчеты помогали ему отвлечься от женщины в доме у склона холма.

Поговаривали, что при наличии команды из шести человек можно рискнуть, наподобие Роскоффа, заняться контрабандой, хотя таможенные катера существенно отравляли ему жизнь. Таможенников прозвали «барышниками» еще в то время, когда они выполняли свою работу, отправляясь навстречу входящим судам и высаживая на них лоцманов, ценящихся среди кошмара скал

и рифов на вес золота.

Гичка, предоставленная Люку для этой миссии, лежала на берегу, в любую минуту готовая выйти в море с шестью гребцами на борту. Семеро других мужчин должны были втискиваться в оставшееся пространство лодки. Кроме того, существовал ялик, придающий некое правдоподобие образу поэта, живущего в уединении.

Для тех, кто искал сейчас между скалами сокровища, дальнейшее будет означать либо смерть, либо прощение за все преступления. Сам же он, если выживет и выполнит все приказания, восстановит утраченную честь. Люк швырнул вниз по склону камешек, тем самым потревожив черноголового чекана, который с криком взмыл вверх.

Негодующе крича, птица опустилась на вершину можжевелового куста.

– Легко тебе говорить, мон шер. – Сузив глаза, Люк щурился на солнечный свет, отраженный волнами. – Здесь стоит опасаться лишь когтей пустельги.

Жизнь и смерть – слишком просто. Верно-неверно, честь или целесообразность – выбор куда как сложнее.

Глава 3

Эйврил сидела у окна и, откинув занавеску, изучала то, что видела сквозь толстые, затянутые соляной пленкой оконные стекла. Клонившаяся к земле трава, полоса крупной гальки – ее невозможно пересечь бесшумно – и полоса песка, исчезающая в волнах прилива.

Вдалеке недостижимые для крика корабли покачивались на якорях. Корабли военного флота. Располагайся они ближе, чтобы суметь докричаться до них, это было бы спасением. Она могла бы разжечь огонь, но люди на кораблях знали о присутствии Люка здесь и не увидели бы ничего странного в этом костре. Поджечь эту лачугу? Крепкий каменный дом? Невозможно. Подать сигнал из окна, помахав белым полотном простыни? Но для этого сначала нужно разбить

толстое стекло, а потом еще подумать, как незаметно для похитителей привлечь внимание военных.

Вздохнув, она отвернулась от окна, осматривая комнату. Люк оставил свою бритву на одной из полок, но после эскапады с ножом вряд ли он даст ей возможность воспользоваться любым оружием. Кроме того, она начинала сомневаться в том, что вообще способна на убийство.

«Это будет на моей совести», – убеждала она себя, на секунду задумавшись о том, почему, собственно, так считает. Но эта мысль упорно сидела в голове, и ничего нельзя было поделать. Неужели он в самом деле такой омерзительный, каким выглядит внешне?

«Прекрасные серые глаза ничего не значат, дурочка».

Упрекнув себя, она подумала, что с наступлением темноты Люк вернется сюда и изнасилует ее. Его заверения в должном обращении с женщиной без сознания ничего не значат, ведь сейчас она в сознании.

Эйврил вспомнила о небольшом разговоре со своей тетушкой перед отплытием в Англию и о браке по расчету. Предполагалось, что рядом с ней не будет родственницы, способной поведать обо всех тонкостях брака с человеком, которого она не встречала прежде, поэтому замужество тетушка описала во всей его ошеломляющей неловкости, после чего Эйврил, по ее мнению, предоставили слишком много времени – три месяца плавания – на размышление.

Ее подруга леди Перси Брук, высланная в Индию после опрометчивого бегства из-под венца, теперь вполне могла бы осознать, что замужество за нужным человеком – отнюдь не самый худший вариант. Эйврил и в голову не приходило, что все может обернуться иначе. На острове, в каменной лачуге, под принуждением какого-то разбойника, в окружении еще худших злодеев. А вот Перси без сомнений и колебаний пустила бы в ход тот нож.

Спускались сумерки. Скоро он будет здесь, а у нее нет никакого плана действий. Бороться или не бороться? Он мог легко сломить ее сопротивление, она понимала это. Благодаря братьям она познакомилась с некоторыми приемами борьбы, эффективными для того, чтобы отвадить излишне назойливых мужчин. Однако здесь, где некуда бежать и некого звать на помощь, они бесполезны.

Если она станет сопротивляться, возможно, он причинит ей боль даже большую, чем та, которой она опасалась. Лучше всего просто лежать трупом, не выказывая и тени страха и лишь презирая его.

Легче сказать, чем сделать. Дверь снова отворилась, и вошел Люк в сопровождении двоих мужчин. Один принес некое подобие комплекта одежды, другой, нагруженный несколькими блюдами с едой, удерживая под мышкой бутылку, старался сохранять равновесие.

Эйврил отвернулась от них и вздернула подбородок так, чтобы не видеть плотский голод в глазах вошедших. Она не единственная думала о событиях наступающего вечера.

– Идите сюда и поешьте. – Люк опустил ключ от двери в карман, когда его провожатые ушли. – Я нашел для вас одежду. Она вам, конечно, великовата, но зато чистая.

Он смотрел, как она подходит к столу в своей импровизированной юбке.

– Я разведу огонь, вы дрожите.

– Мне нисколько не холодно. – На самом же деле она продрогла, но не хотела допустить, чтобы все это превратилось в пародию на уютную семейную жизнь с потрескиванием огня в камине, столом с ужином, вином и свечами.

– А то я не вижу. Вам холодно, вы испуганы, и не пытайтесь лгать. – Он сказал это без тени сочувствия и сострадания в голосе. Возможно, знал, что добрые слова спровоцируют слезы, и не допускал этого. Он зажег свечу, затем, опустившись на колено, быстрыми точными движениями принялся разводить огонь.

Кто же он такой? Его произношение безупречно, руки, хотя и мозолистые, покрытые шрамами, чистые, более того, тщательно острижены ногти. Полчаса работы парикмахера, вечерний костюм – и все, он затеряется в любом светском обществе.

Хотя нет, там он привлечет взгляды женщин. Ее раздражало то, что она нашла его физически привлекательным, даже зная, как он намерен с ней поступить. Это было и унизительно, и непонятно. Она не находила оправданий этому. Надо же такому случиться – прельститься классически красивым мужским лицом и мужскими чарами. Ее ощущения были сродни женскому вожделению. «А вожделение – это грех», – сказала она себе.

– Ешьте. – Огонь вспыхнул, тени замелькали в углах, и в комнате тотчас стало теплее, интимнее. Именно этого она и опасалась. Люк налил вина и подвинул ей кубок. – И пейте. Сразу станет проще.

– Кому? – спросила Эйврил, и угол ее рта дернулся, что можно было принять за полуулыбку.

Однако она выпила и почувствовала разливающееся тепло, коварным образом расслабляющее ее. Внутренний голос подсказывал ей, что он того и добивался.

– Но кто вы? Что здесь делаете?

– Пишем дурные стихи, собираем на берегах всякую всячину. – Он пожал плечами и отрезал кусок сыра.

– Не пытайтесь играть со мной, – жестко сказала она. – Вы мародеры? Контрабандисты?

– Ни то, ни другое. – Взглянув на отрезанный кусок сыра, он нахмурился, но тем не менее съел его.

– Когда-то вы были военными моряками, не так ли? – внезапно догадалась она. – Вы дезертиры?

– Да, мы служили в военном флоте, – согласился он, отрезая для нее кусок хлеба, так непринужденно, будто они обсуждали погоду. – Однако, если мы вернемся на флот, большинство из нас, осмелюсь заметить, повесят.

Эйврил заставила себя есть, пытаясь осмыслить услышанное. Следовательно, они дезертиры. Пока размышляла, она успела осушить полный кубок вина,

прежде чем поняла, что сделала это. Возможно, выпитое поможет ей смириться с тем неизбежным, что скоро должно произойти… Она задвинула все размышления в дальний угол сознания и принялась за еду. Ей нужны силы если не для сопротивления, то, по крайней мере, для того, чтобы вытерпеть все.

Люк тем временем ел так спокойно, словно его вовсе не заботило ничто в мире.

– Вы бежите к французам? – спросила она, когда сыр и холодная вареная грудинка были съедены.

– Французы убьют нас с той же охотой, что и англичане, – сказал он, тонко улыбнувшись шутке, которую она не смогла понять.

Наконец ужин был окончен. Люк отодвинул свой стул и сел на него, вытянув ноги, устроившись перед огнем с миролюбием большого кота. Эйврил взглянула на стол с пустыми блюдами, хлебными корками и крошками.

– Вы ожидаете, что я стану не только вашей наложницей, но и горничной?

Реакция последовала молниеносно. Человек, только сейчас выглядевший таким расслабленным, вскочил и прижал ее к себе, схватив за запястье. Его глаза стали цвета темного железа и опалили взглядом ее лицо. Лед в них растаял, уступив место гневу, заставившему ее вздрогнуть.

– Слушайте меня и думайте при этом, – сказал он неожиданно мягким голосом. – Там, за стенами дома, волчья стая, иначе говоря, люди с волчьей совестью и совсем немилосердные. Я командую ими не потому, что они поклялись мне или мы верим в одно и то же, а потому, что сейчас они боятся меня больше, чем кого-либо другого. Если я проявлю слабость – в чем угодно, – они сотрут меня в порошок. Как бы хорошо я ни дрался, мне не одолеть двенадцать человек. А вы подобны зажженной спичке в пороховом погребе. Они хотят, чтобы вы достались им, при этом не имеют ничего против общего пользования женщиной, поэтому мгновенно станут бандой. Если они будут думать, что вы – моя женщина и я готов убить за любое посягательство, то задумаются, стоит ли рисковать жизнью ради сомнительного «хорошего». Они знают, что я убью по крайней мере половину из них, прежде чем они доберутся до вас.

Он выпустил ее руку, и Эйврил, отступив, наткнулась на стол. Сердце ее колотилось в первобытном страхе перед мужской силой.

– Как они узнают, ваша ли я женщина… – Она осеклась.

– Вы поистине юны и невинны, – улыбнулся он. – Что, по-вашему, они думают, я делаю здесь каждый раз, когда прихожу? Всё они узнают, как узнали бы волки. Поэтому вы по-прежнему будете спать со мной в одной кровати и выйдете отсюда с моим запахом на теле. Или вы желаете ускорить события, выйдя отсюда прямо сейчас, чтобы нас обоих убили?

– Я выбираю жизнь, – произнесла Эйврил и сжала пальцами край стола, чтобы почувствовать себя увереннее. – И не сомневаюсь, что вы – меньшее из двух зол. – Она с гордостью заметила, что высоко держит подбородок, хотя голос слегка дрожит. – Несомненно, угроза смерти – преувеличение. Вы собираетесь выпустить меня отсюда завтра?

– Они должны к вам привыкнуть. Здесь, за закрытой дверью, вы – загадка, которую не терпится разгадать. Одетая как мальчишка, занятая работой, вы будете привлекать их намного меньше.

– Но почему бы вам просто не отпустить меня? Почему не подать сигнал поисковым лодкам и не сказать, что нашли меня на берегу?

– Потому что вы видели мою команду. И знаете слишком много. – Сказав это, он потянулся за открытым складным ножом, лежавшим на столе. Эйврил наблюдала, как скрывается тяжелое лезвие в рукоятке.

– Я могу обещать вам, что не пророну ни слова, – наконец произнесла она.

– Да? Вы закроете глаза на то, кто мы, только ради собственной безопасности?

– Я… – Она не могла так поступить и знала, что он прочел это по ее лицу.

– Так я и думал. – Люк сунул нож в карман и отошел от стола. – Я вернусь через полчаса, будьте в постели.

Эйврил собрала тарелки, смахнула со стола крошки, хлебные корки завернула в тряпку и заткнула пробкой винную бутыль. Она не намерена жить в грязи даже в заключении.

Она подмела возле очага влажной метелкой, сделанной из прутьев, и подбросила свилеватое полено в очаг. Просоленное дерево вспыхнуло синим и золотым огнем, пока она возилась с оконной занавеской. Пусть то, что должно случиться, по крайней мере, случится вдали от посторонних глаз. Она вытерла слезу тыльной стороной ладони.

«Я – Хейдон. Я не выкажу страха, не стану просить, умолять и плакать».

Поклявшись себе в этом, она повернулась к отсыревшей во влажном воздухе постели. С тем же желанием она легла бы в крысиное логово. Эйврил перетряхнула одеяла, разгладила сбившийся комьями матрас, накрыла его простыней, которая все это время служила ей юбкой, и, как могла, взбила подушку.

Она осталась в рубашке Люка, с рассыпавшимися по плечам волосами. Смерила кровать долгим взглядом. Затем откинула одеяло, легла, укуталась в одеяло и принялась ждать.

Люк провел некоторое время возле костра, наблюдая за тем, как играют в кости в одной палатке, храпят в другой, затем рассудил спор Харриса и Хорька по поводу лучших питейных заведениях Лиссабона. Напряженность в команде ослабла благодаря охоте за предметами, выброшенными морем в течение дня. Ничего ценного не нашлось, однако выловленного бочонка с духами хватило, чтобы поднять настроение моряков.

Люк не спешил возвращаться к небольшому зданию лечебницы, стараясь не думать об Эйврил. Он хотел, чтобы она оставалась лишь проблемой, которую нужно решить. Никто из его людей не хотел оказаться здесь, большинство из них, скорее всего, умрет, и у него нет желания растрачивать свою жалость на какую-то девчонку, которая, если повезет, выйдет из этой передряги живой, хотя и куда менее невинной.

– Спокойной ночи, – сказал он наконец и зашагал по направлению к лачуге. Вслед ему раздавалось недвусмысленное хихиканье, но он предпочел не

обращать на это внимание. Он едва мог держать свои мысли в узде. Первыми несли вахту Харрис и Хорек – достаточно надежные парни, и ему не было нужды напоминать им, что делать.

Когда он отворил дверь и вошел внутрь лачуги, там царила чистота. Светила лампа, в очаге потрескивали поленья. Вдыхая запах дыма, Люк думал, что вряд ли когда-нибудь это место было столь же уютным, как сейчас. Одного взгляда на постель хватило, чтобы развеять любые мысли о желании Эйврил создать соответствующую интимному моменту атмосферу: она лежала под одеялом вытянувшись и не шевелясь, пальцы ног на одном конце одеяла образовали холмик, на другом – едва виднелся ее нос. Люк старался не смотреть на выпуклости, весьма живописно проступающие между этими двумя вершинами.

– Эйврил? – Он осторожно прошел на середину комнаты и сел, чтобы снять сапоги.

– Я не сплю.

Ее голос был холоден, как и тело. Он заметил блеск отраженного света в ее глазах, когда она повернула голову в его сторону.

Люк бросил плащ и рубашку на спинку стула. Когда он взялся за пряжку ремня, услышал, как Эйврил сделала глубокий неровный вдох. Однако же он не собирается раздеваться в темноте, ей придется или привыкнуть к этому зрелищу, или закрывать глаза.

– Вы никогда не видели прежде голого мужчину? – спросил он, высвобождая ремень из пряжки.

– Нет. Я хотела сказать – да. – Эйврил трудно было найти ответ. Кашлянув, она попыталась снова:

– Я была воспитана в Индии. Саддху и другие святые люди часто ходят голыми.

Кроме того, она видела рисунки на стенах тамошних храмов, хотя и предполагала всегда, что там чудовищно все преувеличено.

– Они покрывали себя пеплом… – добавила Эйврил. Начав говорить, она уже не могла остановиться.

Люк не сказал ни слова, просто отвернулся к стулу, снял штаны и бросил их поверх другой одежды. Рот Эйврил закрылся со странным звуком, но глаза закрываться отказывались. Перед ней был не измазанный пеплом истощенный отшельник, сидящий под священным фикусом с чашей для подаяния и глядящий на мир дикими темными глазами. Люк был… Она подыскивала определение, остановившись на «впечатляющий», которое тем не менее казалось недостаточным для этой золотистой кожи, крепких мышц, широких плеч, мускулистой спины, узких бедер и…

Он обернулся, ее рот приоткрылся снова, затем, впрочем, чтобы выпустить сдавленный вздох.

– Видите, как вы на меня действуете? – сказал он, подходя к постели и, по-видимому, совершенно не испытывая стыда.

– Прекратите! – отрезала она, но сразу поняла, как смешно это прозвучало в свете того, что должно вот-вот произойти, унизительное и болезненное. – Перестаньте вы этим размахивать!

Последнюю фразу она произнесла тоном, который ее тетя использовала для того, чтобы отчитывать прислугу.

Люк фыркнул от смеха – впервые от настоящего веселого смеха, который она услышала от него.

– Эта часть мужского тела делает то, что хочет. Вы можете закрыть глаза, – предложил он.

«Будто это что-то изменит, – подумала Эйврил, – он все равно останется на том же месте». Люк пожал плечами, отчего мышцы на них образовали переливчатый рельеф, что окончательно повергло ее в замешательство. Она отказывалась верить, что все это происходит с ней, и хотела было отвернуться, но шею словно парализовало, как, впрочем, и все тело.

Люк протянул руку и откинул край одеяла. Эйврил заставила себя не схватиться за него, чтобы вернуть на место. Не сопротивляться, не реагировать. Не давать ему удовлетворения его силой.

– Не могли бы вы подвинуться?

– Что… Что? – Она ожидала совершенно другого, но никак не подобного вежливого вопроса. Он должен был просто взгромоздиться на нее, разве нет?

– Подвинуться чуть дальше. – Люк замер, опершись коленом на кровать.

Эйврил обнаружила, что в состоянии отвести взгляд, и принялась внимательно смотреть на затянутые паутиной стропила.

– Вы ожидали, что я прыгну на вас, верно?

Да, нетерпеливый и раздраженный, но вовсе не обезумевший от похоти. Возможно, он занимался подобными вещами постоянно.

– Я понятия не имею, чего ожидать! – Она вновь вспыхнула от стыда, гнев и унижение вывели ее мышцы из состояния паралича, и она села на кровати, готовая сопротивляться ему. – Я девственница, откуда мне знать, каково это – быть изнасилованной.

Глава 4

На мгновение он закрыл глаза:

– Я собираюсь спать в этой постели. Вместе с вами. Вот и все. Разве вы не понимаете? Ради всего святого, вы все еще думаете, что я намерен вас изнасиловать?

– Разумеется! Я не читаю мысли!

Ярость опалила ее изнутри, она была так напряжена и напугана на протяжении всего дня, так старалась быть храброй, а теперь… Теперь он хочет, чтобы она все понимала без слов?

– Как я ненавижу вас! – Она набросилась на него и ударила его в грудь кулаком.

– Вы хотите, чтобы я занялся с вами любовью? – поинтересовался он, когда она попыталась ударить еще раз, и поймал ее запястья. Его твердые, мозолистые ладони стиснули ее изнеженные руки, он оказался так близко, что она почувствовала запах пота, едва сглаженный грубым мылом. Его естественный запах.

– Заняться любовью? Вы это называете любовью? Нет, я не хочу ничего вообще! Я весь день жила в ужасе, и теперь вы говорите, что ничего подобного не имели даже в мыслях?

Она исчерпала все слова и свернулась клубком, закутавшись в одеяло и глядя на него, из последних сил удерживаясь от слез.

– Я не насилую женщин, – твердо произнес Люк. – В сознании они или нет.

Эйврил стало ясно – она его оскорбила. Хорошо. Она не думала, что это вообще возможно.

– Тогда что вы делаете этим? – Она протянула руку к его паху, и Люк отпрянул прежде, чем она смогла коснуться его мужского достоинства.

– Я говорил вам, что эта часть тела живет своей жизнью. И не считаю нужным что-либо добавлять. – Голос Люка звучал на грани раздражения и гнева. – Сожалею, что испугал вас, – прибавил он, будто извинялся за случайный толчок локтем. – Я думал, вы понимаете, что у меня нет намерения оскорбить вас. Если вы в состоянии просто подвинуться, чтобы я лег, тогда мы сможем уснуть.

– Всего лишь? Вы хотите, чтобы я просто закрыла глаза и просто уснула с вами в одной постели? – Эйврил понимала, что близка к истерике, и до боли прикусила нижнюю губу.

Боль отрезвила ее. Пришло понимание того, что он не собирался насиловать ее, самообладание дало трещину, и теперь трудно вернуть себе даже отдаленное подобие спокойствия.

– Почему бы в таком случае вам не одеться хотя бы частично?

– У меня нет в запасе чистых рубашек – на вас надета последняя. Кроме того, еще один слой ткани между нами не сможет ничего изменить.

Ее внимание привлек странный скрежет, затем она поняла, что его издают ее собственные зубы. По крайней мере, если бы Люк лежал под одеялами, она была бы избавлена от его наготы. Это стоило определенного усилия – не заметаться по кровати, но она повернулась на бок и легла спиной к нему, глядя в стену.

Веревки, скреплявшие матрас, заскрипели, раздался шорох одеял.

– Нет никакой необходимости расцарапывать нос о стену, – сказал Люк, – идите сюда.

Он обнял ее за талию и привлек к себе, плотно прижав к своему телу.

– Да прекратите же извиваться, ради всего святого!

– Мы соприкасаемся, – сказала Эйврил, сохраняя остатки спокойствия.

Он был твердым и теплым, ее ягодицы прижимались к той части тела Люка, которая, по его словам, имела собственный разум. Такое волнующее ощущение, тем более что тонкая льняная рубашка не представляла собой никакого барьера вовсе. Ниже края рубашки ее бедра были обнажены, и она ощущала волосы на его ногах.

– Я, разумеется, буду избегать касаться ваших ледяных ног. – Похоже, что он стиснул зубы. – Прекратите стонать, женщина. Вы живы, не так ли? И вы в тепле, сухости, накормлены и все еще девственница. Лежите смирно, ради всего святого, и дайте мне поспать, затем я оставлю вас в покое.

Ей показалось, что она услышала, как он пробормотал: «Если смогу», но не была уверена в этом.

Женщина? Стоны?!

– Вы – хам! – воскликнула она, пытаясь удержать его тело в половине дюйма от своего. Но он лишь сильнее прижал ее ягодицы к своему паху. Тяжелая рука на ее талии превратилась в натуго затянутый канат, и она сдалась, позволив мышцам расслабиться.

Святое Небо! Это твердое тепло за ее спиной, это дыхание на ее шее… Она осталась в живых, тогда как многие другие – она была уверена – не дожили до этого дня. Она старалась удерживать в памяти их лица и голоса, но они ускользали от нее. Ее друзья, такие близкие после трех месяцев плавания, ее многочисленные знакомые и даже те люди, которых она видела каждый день, но не обмолвилась ни словом с ними, – все они будто были жителями небольшой прибрежной деревушки, которых поглотило разбушевавшееся море.

Эйврил успокоилась и стала беззвучно молиться за них. Она чувствовала себя лучше оттого, что горе и беспокойство слегка ослабили хватку. Сильное тело рядом с ней было погружено в сон или, по крайней мере, находилось на грани сна. «Я жива, и он защищает меня. Хотя бы сейчас я в безопасности». Но мрачные мысли витали в ее уме, легко преодолевая преграды, которые она создавала. Эти люди – дезертиры, возможно, предатели, и она знала о них слишком много. На что ей придется пойти, чтобы сохранить даже эту неустойчивую безопасность?

Люк чувствовал, как тело Эйврил расслабляется, соскальзывая в сон. Он позволил себе расслабиться, когда ее дыхание выровнялось, и стал наслаждаться тем, что эта женщина так близко в его руках. Нежные изгибы ее тела – сладостная мука, женский запах, который невозможно скрыть любыми духами и мылом, опасно возбуждал. Последний раз он спал с женщиной два месяца назад. И тогда они занимались любовью, а отнюдь не лежали так, почти невинно.

Он вспомнил, что еще разозлен упреками Эйврил в намерении взять ее силой.

«Она устала, напугана пережитым, очевидно, не способна здраво мыслить», – сказал он себе. Предположив, что раздевался при ней нетактично, он ощутил, как в нем переворачивается обида, ведь она могла бы закрыть глаза. Кроме того, если она хочет, чтобы он надевал рубашку на ночь, то завтра вполне может заняться стиркой. А у него достаточно хлопот, чтобы еще беспокоиться о ее потревоженных чувствах.

Погружаясь в сон, Люк подумал, что не имел возможности привыкнуть к интимным отношениям с благовоспитанной молодой женщиной из общества. Он ходил по морям более или менее постоянно с восемнадцати лет, и ни сестры, ни невесты, чтобы заботиться о нем, благодарение Небу, рядом не было.

Однако здесь не гостиная столичного художника и не великосветский клуб «Олмак»! Черт бы ее побрал, она на его территории, ей следует его слушаться, делать, что он приказывает. «Было бы забавно соблазнить ее», – подумал он перед тем, как позволить себе уснуть. Но насколько трудно это будет?

Эйврил очнулась, полностью сознавая, где она. За ночь она повернулась на другой бок и теперь лежала на груди Люка, сплетя свои ноги с его ногами. Был короткий миг, когда она опустилась на дно глубокого сна, но в следующее мгновение ее глаза распахнулись, глядя на обнаженную кожу, темную прядь волос и упрямый подбородок, покрытый щетиной. Она должна была отпрянуть в отвращении, но вместо этого ощутила желание прижаться ближе и позволить рукам изучить его. Каждая ее мышца напряглась, борясь с этим желанием.

– Вы проснулись. – Гулкий глубокий голос прозвучал над ее ухом, и она спешно перекатилась на спину, чтобы только вполовину чувствовать его вес. – Доброе утро.

– Прочь от меня! – Эйврил безуспешно попыталась оттолкнуть его. – Вы сказали, что не насилуете женщин, лживая свинья!

– Я не насилую их. Но я их целую.

Он был слишком близко, чтобы можно было его ударить, но так же близко оказались его уши, которые у всех людей чувствительны к боли. Она протянула руку, крепко схватила их и скрутила.

– Ай! – Люк схватил ее запястья в одну секунду. – Ты, маленькая кошка!

– По крайней мере, я не мелкий лжец!

Она лежала на спине, руки ее были пойманы и прижаты к подушке за головой, она чувствовала его запах, и от этого ее сердце бешено стучало. Она причинила ему боль, но он не предпринял ответных действий, в его взгляде читалась веселость, а вовсе не похоть или гнев, будто он приглашал ее в игру.

Но она не намерена играть, это возмутительно! Люк слишком силен, чтобы сопротивляться, хотя она бы и пробовала. Он остановился, когда ее бедра соприкоснулись с его, и она ощутила животом самостоятельную часть его тела. Что-то в ответ стало просыпаться в ее теле, сродни покалыванию. Она залилась краской. Вопреки ее воле тело хотело вступить в предложенную бесчестную игру.

– С каких это пор поцелуи приравнены к насилию? Мне нужно, чтобы мы выглядели так, будто только что занимались любовью. – В его голосе под маской терпения прозвучало раздражение, и это отчасти давало надежду. Если бы он желал тотчас взять ее, не пускался бы в рассуждения. Тем не менее не стоило сдаваться так легко.

– «Занимались любовью»? – Она фыркнула, произнеся это, и он сузил глаза, глядя на нее.

– Предпочитаете говорить «занимались сексом»? Так проще для нас обоих, если вы сможете убедить остальных, что в восторге от моей техники и вне себя от счастья со мной.

Эйврил собралась было высказаться по поводу его техники, но вспомнила слова, сказанные им накануне. «Волчья стая».

– Понимаю, – вынуждена была признать она. – Я буду в большей безопасности, если перестану походить на жертву. И чем счастливее буду выглядеть, тем это убедительнее. И тогда они подумают, что я не собираюсь бежать и поставить всех под угрозу.

– В точности так. – Люк облегченно выдохнул, как человек, приготовившийся к долгому спору. – А сейчас…

И он склонился к ней. Не так, как должно быть в первый раз. Совсем не романтично.

– Вам не нужно меня целовать. Я могу притвориться… – сказала Эйврил, пытаясь отвернуть голову, но добилась только столкновения носов. Нос Люка слишком велик, его невозможно не задеть. Она уже не хотела притворства, чувствуя, что опасными стали не его, а ее собственные желания.

– Вы невинны, верно? – Это не звучало как комплимент. – Никогда толком не целовались?

– Разумеется, нет! – Она вообще никогда не целовалась, но не собиралась говорить ему об этом.

– Смотрите, – сказал Люк, отпуская ее запястья и охватывая губами ее рот.

Возмутительно! Он открыл ее губы и проник внутрь языком, и… и… Эйврил отказывалась даже думать о том, что происходит, чтобы сохранить силы для сопротивления. Но оказалось, силы оставили ее и мышцы отказывались повиноваться, тело протестовало против своей обладательницы.

Ее руки обвили его шею, пальцы погрузились в волосы, груди в страстном порыве прижались к его груди, и ее губы… Ее губы отвечали на ласку Люка, и какая-то часть сознания, еще способная мыслить, понимала, что это именно ласка, а не грубое нападение.

Его сильный властный рот господствовал. Она хотела повторения, отвечать ему своим языком, но не нашла в себе смелости.

Она почувствовала, как плоть, касающаяся ее живота, пульсирует и увеличивается, и поняла, что он сдерживает себя. Ноги ее раздвинулись, готовые принять его словно в теплую колыбель, и слова ее тети, казавшиеся неприличными и смешными, теперь обрели смысл. Он только должен был слегка подвинуться, чуть приложить силу… Вдруг она испугалась, и он почувствовал

это.

– Эйврил? – Они посмотрели друг на друга, почти соприкасаясь носами. – Вы когда-нибудь целовались прежде?

Она молча покачала головой.

– Я так и думал. – Он откинул одеяло и встал с кровати. Холодный поток воздуха был столь же отрезвляющим, как и его слова.

На этот раз она поняла, что ей надо скрыть свою наготу, и отвернулась к стене.

Через несколько минут Люк вернулся:

– Эйврил?

– Да? – Она продолжала лежать отвернувшись.

– Взгляните. – Последовал быстрый взгляд – он протягивал ей маленькое зеркало. – Вы видите?

Бесшабашное дикое существо смотрело на нее из зеркального осколка: волосы спутались в клубок, глаза широко раскрылись и потемнели, губы припухли…

– О, – выдохнула она, – о Небеса. Это больше не повторится.

Люк, отойдя, брал с полок какие-то вещи, но затем повернулся и внимательно посмотрел на нее:

– Не сейчас. Но потом мне снова придется сделать это.

Она почувствовала, как краска заливает ее тело от груди до лба, как изгибаются губы.

Слава Небесам, Люк оделся и теперь выглядел непривычно задумчивым.

– Я принесу горячей воды. Когда вы выйдете отсюда, не забывайте, что были в сознании все эти четыре дня.

Когда дверь за Люком захлопнулась, Эйврил села на кровати. Только один поцелуй, и что за чувства охватили ее… Хотя она и не желала мужчину прежде. Он думал, что это забавно, негодяй. Это ничуть не забавно, это возмутительно и постыдно. Ее грудь еще сотрясалась от прерывистого дыхания, и странное чувство поселилось в нижней части живота, словно бы страх, но без боязни, и что-то там легко пульсировало. Он заставил почувствовать, как это может быть, и, должно быть, ощутил это и остановился.

Дверь открылась, Люк поставил на пол ведро, закрыл за собой дверь. Каким бы ни был его утренний туалет, он совершал его в другом месте. Эйврил выбралась из скомканной постели и отправилась за горячей водой. «Потом мне придется снова сделать это».

Так сказал ей Люк.

– Святые Небеса, – пробормотала она, – я не знаю, что делать.

Люк стоял на берегу с карманными часами в руке, ожидая, пока шестеро из его команды, наконец-то поставив весла в уключины и отойдя от берега, вернутся с Круглого острова, лежавшего к северу. Вокруг не было никаких судов или катеров, и это казалось отличной возможностью выбить из матросов лишние силы.

За его спиной другие матросы, развалясь на траве, посмеивались над гребцами.

– Думаете, справитесь лучше? – спросил их Люк. – Вы вытащили короткие соломинки и будете грести после завтрака, он потянет на дно ваши животы, а эти ребята налегают на весла, чтобы поскорее поесть.

– А как там русалочка? В смысле, мисс Хейдон, я хотел сказать, кэп. Я отнесу ей завтрак? – ухмыльнулся Харрис.

– Я… – Люк оборвал себя, увидев, как со склона холма к ним спускается Эйврил. – Нет нужды носить завтрак, Харрис, мисс Хейдон пришла позавтракать с нами.

Он невольно восхитился ею: напряженные плечи и нахмуренные брови, естественные для женщины в таких обстоятельствах, при этом спина прямая, подбородок приподнят, волосы собраны в узел, очевидно чтобы умалить привлекательность. Собранные волосы позволяли увидеть покрытые синяками скулы, а огромные зеленые глаза… «Это же не ее вина», – с улыбкой подумал Люк, когда она подошла ближе.

С удовольствием и мгновенным приступом вожделения он увидел, что ее губы по-прежнему цветут от его поцелуев. Он никогда не целовал девственниц прежде, и это было… интересно. Он желал ее. Овладеет ли он ею? Он подстегивал воображение и думал, что к тому моменту, когда возьмет ее, она будет желать этого так же, как и он сам.

– Доброе утро, – произнесла Эйврил голосом исполненным холодной вежливости, будто все происходило в гостиной. – Что на завтрак? Вы – господин Поттс, тот, что занимается кухней?

Поттс разинул рот, демонстрируя немногие со хранившиеся зубы, затем, к удивлению Люка, приставил палец ко лбу. Одному Небу известно, сколько времени прошло с тех пор, как к нему обращались «господин». Если подобное вообще когда-либо случалось.

– Да, э-э… мэм. Я вроде как он и есть. Тут у нас макрель и бекон. Могу сделать кашу, только вы скажете, что это просто ком какой-то…

– Я попросила бы вас о беконе и хлебе, господин Поттс, будьте так любезны. – Эйврил села на плоский камень, который обычно занимал Люк.

Он же спросил себя, заметил ли кто-либо непроизвольный жест, которым она приподняла, садясь, несуществующую юбку.

– И есть ли чай?

– Да, мэм. Хотя молока нет.

– В самом деле? Ничего страшного. – Она повернулась и посмотрела на Люка в первый раз за все это время, зато надменно, будто герцогиня на чаепитии. – Не

могли бы вы украсть козу?

Она явно злоупотребляла его добрым отношением и, кажется, совершенно забыла, как провела полную блаженства ночь в его объятиях.

– Мы не устраиваем набеги, – сказал он, сурово посмотрев на кока. Поттсу может показаться забавной мысль о налете на соседние острова и краже скота. – И мы не будем привлекать к себе внимание людей на этих островах воровством коз.

Поттс хмыкнул, уловив угрозу в его голосе. Люк пристально посмотрел на Эйврил и был вознагражден зрелищем румянца, заливающего ее щеки. Значит, она все еще взволнована его поцелуем. Как ни странно, приятно осознавать, что он не взял ее. Приятно будет все повторить вновь. Он не привык к девственницам, и ответная страсть Эйврил стала для него полной неожиданностью. Едва ли она понимала, что делает, для нее это слишком ново, но она была потрясена происходящим.

Тем временем матросы, оставшиеся на берегу и свистевшие вслед удаляющейся лодке, вернулись и теперь стояли у огня, глядя на женщину в мешковатой одежде. Люк увидел, как ее глаза расширились и потемнели, исчезла надменная барышня, уступив место испуганной девочке, готовой бежать без оглядки. Пока он наблюдал за пришедшими, его рука лежала на рукояти ножа.

Будут ли они вести себя так, как ему нужно, или же мгновенно собьются в стаю и нападут на него, чтобы отбить женщину?

Глава 5

Люк увидел, как глаза Эйврил мечутся от одного человека к другому, как она едва заметно расслабилась, когда поняла, что Таббса и Докинса – тех двоих, что нашли ее, – нет среди пришедших. Он послал их в первой группе гребцов, чтобы они как следует вымотались перед тем, как вновь встретиться с женщиной. Стоящие возле огня мужчины смотрели на нее с интересом, но не так плотоядно, как в тот день, когда нашли на берегу. Люк убрал руку с ножа и переместил вес с носков на пятки.

Время метить территорию. Люк взял две тарелки из рук Поттса и направился к скале, где чопорно, сложив руки на коленях, сидела Эйврил.

– Ты сидишь на моем месте, – заметил он и удостоился ледяного взгляда в ответ. В глубине ее зеленых глаз затаился страх, однако она смотрела на него, подняв подбородок. – Помните, мы любовники, – произнес он одними губами, она покраснела в ответ, пододвигаясь на камне, чтобы дать ему место рядом с собой, бедром к бедру.

Люк протянул ей тарелку и коснулся ее щеки тыльной стороной ладони свободной руки:

– Голодна, дорогая?

– Безмерно, – сладко промурлыкала она, одновременно глазами швыряя в него кинжалы, затем взяла тарелку и принялась накладывать бекон на хлеб. – Превосходно, господин Поттс.

– Спасибо, мэм, – сказал кок, но затем испортил впечатление, добавив лукаво: – Ничто так не дает разыграться аппетиту, как пара физических упражнений, я всегда это знал.

– Довольно, – отрезала Эйврил, – в этой лачуге был настоящий бедлам, мне стоило больших усилий привести ее в порядок.

Получив отпор, Поттс вернулся к своей сковороде, сердясь на улыбки других матросов. Правда, те улыбались беззлобно, не имея целью ни издеваться, ни задеть женщину.

– Что ж, хорошо, – пробормотал Люк. Эйврил посмотрела на него с прищуром, поэтому он добавил громче: – У меня скопилась куча одежды для стирки.

– Не сомневаюсь в этом, Люк, дорогой. – Он заметил, каких усилий ей стоило смягчить голос. – Будь добр, мне понадобится горячая вода.

– После завтрака нагреешь воды, Поттс.

– А она будет стирать нам всем, кэп? – спросил Феррет, набив полный рот селедкой.

– Для тебя, Хорек, мисс Хейдон даже пальцем не шевельнет.

– Вы – тот человек, который поделился со мной одеждой? – обратилась Эйврил к Хорьку, когда Поттс вручил ей кружку черного чая.

– Ну да, мэм.

– И что, Хорек – ваше настоящее имя? Конечно же нет. – Она сделала глоток чаю и едва не задохнулась от его крепости.

– Э-э… На самом деле Феррис моя фамилия, мэм.

– Благодарю вас, господин Феррис.

Матрос улыбнулся:

– Рад помочь даме капитана, мэм.

Остальные не проронили ни слова, но Люк остро почувствовал перемены в настроении своих людей. Они более не воспринимали Эйврил безымянным существом или его единоличной собственностью, теперь она стала для них человеком. До сих пор она боялась их – и поступала мудро. Они не забывали, что она женщина, которой у них не было несколько недель. Однако ей хватало ума и мужества, чтобы вести беседы с командой.

Мисс Эйврил Хейдон способна свести с ума любого мужчину, заставив потерять покой и сон, терзаться от боли в ноющем паху, но сейчас Люк восхищался ее хитростью. Тем не менее он обнаружил, что восхищение ничуть не уменьшает вожделения.

– Они возвращаются, – произнес Заплатка Том, сощурив один глаз от ослепляющего солнца на волнах.

Люк вынул часы:

– Им нужно пошевелиться.

– В том месте поперечное течение… – Сэм, по прозвищу Бык, смотрел с видом человека, более прочих знающего, что такое справедливость.

– Эти воды – одно большое поперечное течение, – сказал Люк. – Думаешь, ты сможешь быстрее?

– Да, – ответил Сэм, кивнув курчавой головой, – раз плюнуть.

«Они чему-то учатся», – подумала Эйврил, глядя на матросов и глотая отвратительный на вкус чай. Ее зубы, если только на них еще осталась эмаль, теперь черного цвета, она уверена.

Эти матросы были одной командой на настоящем корабле, а вовсе не разношерстной кучкой беглецов. Они прятались здесь не потому, что дезертировали или ожидали, пока некто приплывет забрать их. Невероятно, но только сейчас она заметила, как ослаб ее ужас перед ними. Инстинкт подсказывал ей, что стоит попытаться относиться к этим матросам как к личностям. Как ни странно, есть с ними из одного котла легче, чем изображать близость с Люком, которой она не чувствовала вовсе.

«По крайней мере, – поправила она себя, чувствуя тепло его бедра сквозь ткань брюк, – эта близость без тени любви или доверия».

Очевидно, он хороший офицер, хотя стал изгоем и командовал изгоями. Некогда в Индии она видела достаточно офицеров и наблюдала за ними на борту «Королевы Бенгалии», поэтому могла угадать властную натуру с первого взгляда.

Матросы сосредоточили все внимание на приближающейся лодке, Люк, поедая бекон, смотрел в ту же сторону.

– Почему вы здесь? – спросила она, понизив голос.

Он покачал головой, даже не взглянув на нее.

– Дезертирам нет нужды тренироваться в гребле на скорость, – продолжила она, размышляя вслух. —

Почему бы не захватить один из тех катеров? Или парусник? Бриг. У вас достаточно людей для команды брига, разве не так?

– Вы задаете слишком много вопросов, – промолвил Люк, не отрывая взгляда от моря, – это опасно, ведите себя тише.

Угроза это или предупреждение? Эйврил, поставив пустую тарелку и кружку, изучала его профиль. Она поверила бы, что он способен убить, и обучен этому, только вряд ли убьет ее. Если бы это было так, он изнасиловал бы ее прошедшей ночью.

– Будет менее опасно, если вы скажете правду.

– Для кого? – спросил он, и угол его рта слегка скривился, выдавая подобие улыбки. Эйврил несколько расслабилась. – Может быть, позже.

Гребцы находились совсем близко. Она могла рассмотреть Таббса, сидящего на корме, и Докинса, налегающего на весла. Должно быть, какой-то звук сорвался с ее губ, и Люк повернулся к ней:

– Они не причинят тебе зла, ты моя. – Он нагнулся, и шок от происходящего на виду у прочих людей заставил ее застыть. Это был быстрый, жесткий поцелуй в губы, невероятно притягательный, влекущий, как и его рука, которая осталась на ее плече, когда он встал, сжимая в другой руке часы. Эта же сильная ладонь могла оборотиться грозным кулаком, защищающим ее. Эйврил ощущала каждый палец на своем плече и вздрогнула при мысли о том, что бы она почувствовала, начни он сейчас ее ласкать?

– Неплохо! – крикнул Люк гребцам, вытягивающим лодку с мелководья на берег. – Но могли бы и лучше. Остальные – ваша очередь! По моему сигналу… Вперед!

Возникла толчея, когда другие матросы, забираясь в лодку, отчаливали от берега. Первая шестерка, не оглядываясь, побрела к огню и еде, оставленной

для них Поттсом. Затем они увидели Эйврил, сидящую на капитанском камне, и глаза их сузились, будто у стаи собак, заприметивших кошку.

Рука Люка оставалась на ее плече еще мгновение, затем он двинулся им навстречу.

– Закрой рот, Таббс, пока в него ничего не залетело, – мягко посоветовал он. Тот пробормотал что-то и, хихикая, отошел в сторону, переводя взгляд с Люка на Эйврил.

Ей хотелось бежать прочь. Вместо этого она поднялась на ноги, взяла тарелку Люка и направилась к костру.

– Еще бекона, дорогой? – Ей удалось сказать эти слова тем же мурлыкающим тоном. С его помощью ее подруга Перси превращала самые безобидные фразы во флирт. Перси, которая, вероятнее всего, утонула. Эйврил сморгнула уколовшую глаз слезу – Перси смогла бы и очаровать, и запугать этот сброд.

Теперь они были совсем близко и пристально смотрели на нее. Эйврил вспомнила, что говорил Люк о волчьей стае. Они пожирали глазами обоих, словно ожидая, что он зарычит и бросится на них, если они посягнут на его добычу.

– Думаете, другие обернутся быстрее? – спросила она, глядя Таббсу прямо в глаза.

Тот моргнул и вздрогнул, будто с ним заговорила сковорода Поттса.

– Думаю, мы побольше ихнего прошли, – сказал он, не дождавшись, что Люк нарушит молчание.

– Лодка кажется очень маневренной. Я плыла на ост-индском судне в течение трех месяцев, так что любая лодка кажется мне быстрой. – Эйврил присела на траву возле Люка, наблюдающего за лодкой. Он, не глядя, обнял ее и притянул к себе, отчего глаза мужчин, стоящих вокруг, наполнились беспокойством. И что теперь? Инстинкт подсказывал, надо продолжать говорить с ними, чтобы они стали воспринимать ее как человека, а не как вещь, но не осмелилась больше

говорить, чтобы не подумали, будто она пытается выведать, зачем они здесь.

– Ваш корабль много ценного вез, верно? – спросил Докинс.

– Ну уж никак не слитки золота, уверена. Шелка, драгоценные камни, слоновая кость, редкие породы дерева – это было на борту.

Нет ничего опасного в том, что она рассказала им о грузе. Он все равно лежит на дне и непоправимо испорчен морской водой.

– Вы что, из Индии приехали? – спросил один из мужчин.

Люк стал поглаживать ее шею так, как если бы гладил охотничью собаку в ожидании стаи уток. Эйврил склонилась к нему, опустив веки… И заставила себя сосредоточиться.

– Да, из Индии. Я прожила там почти всю жизнь.

– А тигра видали когда-нибудь?

– Я многих видела. И слонов, и огромных змей, и крокодилов, и обезьян.

– Небеса! Вот я бы повидал их! А вы катались на слоне?

Они спрашивали, она отвечала. Так почти двадцать минут. Она чувствовала себя спокойнее в их присутствии. Почти так же спокойно, как с собой наедине. Затем поймала на себе взгляд Докинса и почти зримо отпрянула. То, о чем он думал, откровенно читалось в его взгляде, и она всем телом прижалась к Люку. Его рука замерла.

– Что? – чуть слышно произнес он.

– Ничего.

Он встал, заставив и ее встать:

– Пора показать тебе, что надо выстирать. Тимминс, ведро горячей воды и ведро холодной из колодца.

– Вы, надеюсь, понимаете, что я никогда в жизни не стирала одежду, не говоря уже о мужской одежде, сказала Эйврил, когда они вернулись к зданию старой лечебницы.

– С мужской должно быть меньше хлопот, – произнес Люк. – Никаких оборок или кружев, ткань прочнее.

– Засаленнее и грязнее, – парировала Эйврил.

Она подняла руку и коснулась своей шеи в том месте, где он гладил ее. Кожа была теплой и мягкой. Это прикосновение вызвало дрожь, смутившую ее. «Не хочу останавливать эту ласку», – поняла она, устыдившись собственных мыслей. Что с ней происходит? Была ли она все еще без сознания, или же это последствия шока, инстинкт поиска сильного человека, который мог бы ее защитить?

– Вы – воинственная маленькая леди, не так ли? – спросил Люк, когда они вошли в лачугу.

– Я на войне, – отрезала она. – И отнюдь не маленькая, а более чем среднего роста.

– Хм… – произнес он и повернулся, прижав ее к стене своим телом, – нет, вы нисколько не малы.

– Уберите руки от моих… грудей!

– Но они восхитительны… – Он обхватил их своими широкими ладонями, и она почувствовала легкие движения его пальцев сквозь полотно рубашки.

– Нет! – взмолилась она, обращаясь скорее к своему телу, которое вновь выходило из ее подчинения.

– Но вам это нравится. Смотрите.

Сгорая от стыда, она посмотрела вниз, ее соски туго натягивали ткань, изнывая от удовольствия и требуя ласки.

– Я не могу сделать так, чтобы вам это не нравилось, и вы не можете.

Напряженная выпуклость на его штанах была слишком заметна, и, когда Люк чуть повернулся, она вспомнила уроки своих братьев. Но его реакция была быстрее. Не успела она поднять колено, как он уже плотно прижал ее к стене:

– Маленькая ведьма!

Хотя она и попала в ловушку, но смогла взять ситуацию под контроль. Правда, возможно, просто успела привыкнуть к ощущениям. Она обнаружила, что не хочет сопротивляться: коснулась языком уголка его губ, затем прикусила его нижнюю губу почти до крови. Он зарычал и прижался к ней бедрами, явно желая, чтобы она почувствовала, что с ним происходит.

Эйврил позволила целовать ее, ощущая одновременно желание и боль, несмотря на то что часть ее сознания кричала: «Остановись!» Ей сегодня снова спать с этим человеком, и как, скажите на милость, ему сдерживаться после этого?

– Будь оно все проклято! – сказал Люк, посмотрев на нее сверху вниз потемневшими глазами, учащенно дыша. – Кажется, вы посланы жестоко испытать мою силу воли.

Дверь за ними распахнулась, и он отвернулся от нее так резко, что она едва не упала.

– Вон туда, на стол, Тимминс.

Матрос поставил ведра в указанном месте и вышел. Эйврил затаилась за дверью, стараясь быть незаметнее тени. «Должно быть, он догадался, что здесь происходило», – подумала Эйврил, чувствуя, что лицо ее пылает.

– Я не стану более заниматься ничем подобным! – сказала она, оставшись наедине с Люком. – Я не могу. Я не понимаю, почему все это меня вообще волнует. Я в сознании, я не флиртую. Вы мне даже не нравитесь! Вы огромный,

уродливый, жестокий и…

– Уродливый? – Люк остановился, перебирая кучу белья в углу, и поднял бровь. Никакие другие ее слова, по всей видимости, не произвели впечатления на него.

– Ваш нос – просто какой-то переросток.

– Он призван уравновешивать мою челюсть. Она досталась мне в наследство от отца. – Он бросил на стол ком одежды. – На полке есть мыло.

– Вы меня не услышали? – требовательно спросила Эйврил, встав у него на пути и уперев руки в бока.

– Я все слышал. – Люк вновь схватил ее и поцеловал с такой страстью, что она отшатнулась назад и рухнула на кровать, когда он отпустил ее. – Я просто не намерен выслушивать ваши слова о том, как вы нервничаете. Вам предстоит справиться со всем этим барахлом. Убедитесь, что воротники и манжеты отстираны как следует. Высушить одежду можно на кустах на склоне соседнего холма. Только все время держитесь так, чтобы дом был между вами и морем.

Эйврил уставилась на дверь, закрывшуюся за ним, и вспомнила слова, которые произносили моряки на борту «Королевы Бенгалии». Как было бы здорово разразиться сейчас потоком брани.

Кастрировать, выпотрошить и облить кипящей смолой некоего джентльмена. Тогда бы она испытала подобие удовлетворения. На секунду она представила все это. Затем ощутила потребность что-то сделать, раз уж подвергнуть пыткам Люка невозможно. Она скинула с себя кожаный жилет, засучила рукава и отправилась на поиски мыла. Жаль, нет крахмала под рукой, иначе она сделала бы его одежду такой жесткой, что он не смог бы неделю даже присесть.

Она начала разбирать одежду, бормоча слова мести. Вещи были не сильно грязные. Капитан явно привередлив по отношению к своему белью. Она чувствовала его запах, он взволновал ее. Интересно, нормально ли быть настолько поглощенной мужчиной, что один вид его рубашки заставляет думать о его теле?

Эйврил отыскивала пятна, оттирала их мылом и бросала одежду в горячую воду. Как долго вещи должны мокнуть в ней? Она жалела, что не обращала должного внимания на индийских женщин, которые стирали белье в реках и всегда отстирывали безупречно, даже в мутной воде.

Она застирывала манжеты на одной из рубашек, но вдруг остановила себя. Невероятно, она окружает своего врага такой заботой?! Нет уж, пусть сам занимается стиркой своего белья и чего только ему вздумается! Однако она вспомнила, что одета в его же рубашку, и, по его словам, последнюю из чистых. Значит, если она не справится со стиркой, то одно Небо знает, когда получит сменную одежду.

Ее пальцы покрылись морщинами, как в тот день, когда море вынесло ее к берегу, и два пальца были стерты до мозолей, но одежду она все-таки выстирала. Отжать ее оказалось Эйврил не под силу, поэтому, выплеснув горячую воду возле дома и, заполнив ведра мокрой одеждой, она поплелась вверх по склону к костру.

Ведра были тяжелыми, и она едва дышала, опуская их на землю.

– Может ли кто-нибудь, у кого чистые руки, помочь мне?

Люка нигде не было видно, и она оказалась у костра лицом к лицу с восемью мужчинами с Докинсом во главе.

– Да, дорогуша, я тебе помогу, – протянул он, поднимаясь на ноги.

– Полегче, Гарри. – Поттс поднял глаза от наполовину разделанного кролика. – Это женщина капитана, и нам придется дальше обходиться без тебя, если он взбесится. Он тяжел на руку, когда не в духе, и просто пристрелит тебя, а у нас прибавится работы.

Кок подмигнул Эйврил, которая уже измерила глазами расстояние до его кухонного ножа, стараясь не впадать панику.

– Кроме того, дама любит мою стряпню.

Сказав это, он поднял вверх нож со смертельно острым лезвием и принялся внимательно его рассматривать.

– Да я же шучу, Поттс. – Докинс уселся обратно, его карие глаза неотрывно смотрели на нож. Кок воткнул его в землю рядом с собой и вернулся к своему занятию, снимая шкуру с кролика. Общее напряжение спало, и Эйврил облегченно вздохнула.

– Я все отожму, мэм. – Высокий человек с повязкой на глазу поднялся на ноги. – Я – Заплатка Том, мэм, и руки у меня чистые. – Он с детской откровенностью показал ей свои огромные лапы. – Куда ведра тащить, скажете?

– Я развешу все на вон тех кустах. – Эйврил успокоила замершее было дыхание и указала на середину склона холма.

– Не там, – заметил Поттс, – а то они вас увидят.

– Кто увидит?

– С любого корабля будет видно. Или с Треско. Развесьте их вон там. – И он махнул в сторону тонких кустов, неподалеку от костра.

Она начала понимать, что Поттс не лишен ума или же очень ответственный, в отличие от остальных. Возможно, прежде он был флотским старшиной.

– Почему вы не хотите, чтобы кто-то знал, что вы здесь? – спросила Эйврил у Тома, когда тот выжимал рубашки, стараясь так, что вода с них текла ручьями.

– А капитан разве не сказал? – Он бросил выжатую рубашку в ведро и взялся за другую.

– У нас не было времени для разговора… – ответила она и покраснела, когда вся команда расхохоталась.

– Почему бы вам не поделиться этой шуткой со мной?

Люк вышел из-за полуразрушенной стены древних жилищ. Он зацепил свой плащ одним пальцем, и тот висел за его спиной, воротник рубашки был открыт, шейный платок ослаблен, весь его вид говорил о том, что он просто вернулся со спокойной прогулки по острову. Эйврил подозревала, что он стоял за стеной с тех самых пор, как она подошла к костру, желая посмотреть, что случится, и узнать настрой своей команды.

– Я сказала, что у нас не было времени для разговора, – пробормотала она и направилась к кустам с ведрами, полными выжатого белья. Любой джентльмен тотчас взял бы из ее рук тяжелые ведра, но Люк позволил ей пройти мимо.

– И до сих пор нет, – бросил он ей в спину, когда она развешивала одежду на колючем можжевельнике, встряхивая каждую вещь с сильным хлопком. – Мы поговорим за ужином.

– Расскажешь ей все, Французик? – поинтересовался Докинс, и тотчас воцарилась полная тишина.

Французик? Эйврил обернулась. Он француз? И эти люди совершили… Что? Они не только дезертиры – они перебежчики и предатели.

– Называй меня капитаном, Докинс, – посоветовал Люк, и она увидела пистолет в его руке. – Или в следующий раз я отстрелю тебе твое дрянное ухо. Это не помешает тебе грести, но послужит уроком на всю жизнь. Comprends-tu?[1 - Ты понял? (фр.) (Здесь и далее примеч. ред.)]

Матрос не воспринял угрозу всерьез, однако Эйврил поняла ее глубину. И ее французский достаточно хорош, чтобы распознать в этих двух словах не чистое, тщательное изученное произношение, которым владела она сама, а диалект. Этот человек, без сомнения, истинный француз.

«Но мы же воюем с Францией», – подумала она, оцепенев от шока.

– Так точно, капитан, – согласился Докинс угрюмо. – Шутил я.

– Вернитесь домой, мисс Хейдон, – приказал через плечо Люк. – Я присоединюсь к вам за ужином.

– Я не хочу туда возвращаться. Я хочу получить объяснения. Сейчас же.

Это было чистым безумием – бросить ему вызов перед всей командой. Она поняла это, едва заговорила. Если он так обошелся с Докинсом, то, безусловно, не потерпит неповиновения от женщины.

– Вы получаете то, что я считаю нужным, и тогда, когда я считаю нужным, – отчеканил Люк, по-прежнему не оборачиваясь. – Теперь ступайте, если не хотите, чтобы я перекинул вас через колено и преподал урок послушания на виду у всех.

Ее достоинства хватило на то, чтобы уйти с высоко поднятой головой, не позволив гневным словам сорваться с губ, когда она проходила мимо него, мимо притихших моряков, вниз по склону к лачуге.

«Отродье. Зверь. Предатель…»

«Нет, Люк не предатель», – подумала она, когда вошла в жилище и без сил опустилась на стул. Если он француз, значит, враг. Ее враг. И она здесь – послушная маленькая пленница, дрожащая от его прикосновений, желающая его поцелуев, стирающая его рубашки и ожидающая его прихода тогда, когда приказано. Но она английская женщина и, следовательно, должна бороться наравне с любым мужчиной.

Эйврил вскочила, отчего стул рухнул на пол, и бросилась к отсыревшей во влажном воздухе оконной занавеске. Где-то там стоял на якоре военный корабль – слишком далеко, чтобы на нем услышали ее крик или увидели сигнал, поданный ею тем, что было под рукой. Но она в состоянии доплыть до него. Почему эта мысль не пришла ей в голову раньше? Если бы она добежала до моря и поплыла, заметили бы ее? А вздумай Люк погнаться за ней, создал бы еще больший шум. Кто-то будет расследовать происшествие, и, даже если он выстрелит, ему придется объясняться.

Она вышла за дверь и побежала, прежде чем ее сознания достигли возражения и сомнения, чтобы не дать страху остановить себя. Крупная прибрежная галька замедляла бег, но она преодолела ее полосу и была уже по колено в воде, когда услышала крик за спиной:

– Вернитесь!

Люк! Она не обернулась и не ответила, только упорно продолжала продвигаться дальше в море, вода уже достигала бедер.

– Стойте, или я выстрелю!

Он не станет стрелять женщине в спину.

Даже французский головорез не станет…

Она не услышала выстрела, только почувствовала, как что-то ударило ее в спину напротив сердца. Ударом ее отбросило в море, и все вокруг заволокло темной пеленой. Последнее, что она почувствовала перед тем, как волны сомкнулись над ней, – гнев. «Он говорил, что не убьет меня?.. Лжец!»

Глава 6

– Просыпайтесь.

Казалось, голос звучал над ней уже несколько часов. Возможно, дней. Она не хотела просыпаться. Лучше бы она была мертвой. Вокруг, очевидно, не небеса, если, конечно, ангелы не говорят с таким гневом и нетерпением в голосе. Но даже если она жива, Люк стрелял в нее. Зачем ей просыпаться, когда произошло такое? Очень больно это осознавать.

– Зачем мне просыпаться? – спросила Эйврил.

– Значит, я могу задушить вас? – вопросом на вопрос ответил кто-то голосом Люка.

– Вы стреляли в меня. – Она открыла глаза и с удивлением обнаружила, что не чувствует ни страха, ни сильной боли. Может быть, это последствия шока. Лучше всего лежать неподвижно, ведь она наверняка тяжело ранена и потеряла

много крови.

Я не стрелял в вас. – Он нависал над кроватью яростной тучей, крепко сжав губы. – Всего лишь бросил в вас камнем, и вы, кажется, потеряли сознание.

– О… – Эйврил села на кровати и резко вскрикнула. – Как же больно! Вы убили бы меня, попади в голову!

– Я попадаю туда, куда целюсь, – пояснил он. – И это просто синяк. Кстати, возможно, вы желаете прикрыться.

Эйврил опустила глаза и обнаружила, что полностью обнажена. Снова. Ее одежда была развешана на стульях перед огнем, и от нее шел пар. Схватившись за край одеяла, Эйврил натянула его до подбородка и села, сверкая рассерженным взглядом.

– Что, черт побери, вы собирались делать? – Он повернулся на каблуках и отошел прочь, словно боялся дать волю рукам. Эйврил не обманывалась, думая, что он сдерживал вожделение.

– Я хотела доплыть до ближайшего корабля, – сказала она. – Одно дело – не пытаться бежать, думая, что вы просто дезертиры, и совершенно другое – понять, что вы французский лазутчик. Я должна была что-то предпринять.

Скрестив руки на груди, Люк смотрел на нее без эмоций и не опровергал ее слова.

– Почему вы думаете, что я – французский лазутчик?

– Потому что вы француз, потому что обманули губернатора относительно истинных причин вашего нахождения здесь, где скрываете этих людей, обучая их для совершения какой-то подлости.

– Сказано почти верно, но вы сделали неверные выводы из того, что узнали.

– И что же в них неверного? – Эйврил очень хотела одеться, так легче сопротивляться.

– Я лишь наполовину француз. – Плечи Люка будто ослабли, он сел на край стола и посмотрел на нее с раздражением. – Я вынужден довериться вам.

– Нет необходимости, если вы – мой враг.

– Возможно, я и есть тот, кем вы меня сочли. Но я не враг Англии. Я – английский морской офицер, и я же – граф Люсьен Мэллори д’Онэ.

– Французский граф? Роялист? – У нее невольно вырвался смех.

– Точнее сказать, конституционный монархист. По крайней мере, им был мой отец, пока мадам гильотина не отсекла его голову, тем самым окончив его политические философствования. – Он с силой провел руками по лицу, и, когда отнял их, взгляд его был безмерно усталым и без малейших признаков недавнего гнева. – Эйврил, вы примете мое честное слово в том, что я сейчас скажу вам правду? В противном случае наше положение безвыходно. Я не смогу доказать здесь и сейчас ничего из сказанного.

– Я не знаю, – задумалась она. – Я бы хотела одеться.

– Зачем?

– Я хочу видеть ваши глаза.

– Тогда я сам подойду к вам. – Он встал на колени возле кровати и пристально посмотрел на нее. – Что же вы видите?

– Мое отражение. И ваш цинизм. И усталость. – Она заставила себя расслабиться и погрузилась во взгляд его серых глаз. – Истину. Истину и гнев.

– Ясно. – Он слегка изменил позу. – Я скажу вам нечто, а вы поклянитесь сохранить все в тайне.

– Кому же я смогу рассказать о том, что услышу?

– Кто знает. – Он встал и подошел к столу. – Мою мать звали леди Изабелла Мэллори, и она вышла замуж за моего отца в 1775 году. В 1791 году, когда король был вынужден принять условия конституции, мне было пятнадцать лет. Мой отец твердо стоял на стороне нового порядка, полагая, что демократическое правление в состоянии предотвратить кровопролитие и революцию. Маман настаивала, что оно сулит только беды и несчастья, но она не смогла переубедить отца и объявила, что в таком случае она возвращается к родителям в Англию. Я хотел остаться во Франции, но отец сказал, что мой долг – оберегать маму и он пошлет за нами, когда во Франции воцарится свобода и процветание, по его расчетам, в самом скором времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ты понял? (фр.) (Здесь и далее примеч. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/allen_luiza/soblaznennaya-podlecom

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить